

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

**БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ СВЯТОСЛАВА
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Война Руси с Византией и русско-болгарские отношения конца 60-х и начала 70-х годов X в. являются одним из наиболее значительных моментов в истории взаимоотношений трех крупнейших государств Причерноморья в период раннего средневековья. На протяжении нескольких лет на территории Болгарии и пограничных областей Византийской империи шла упорная и напряженная борьба двух славянских народов под руководством русского князя против византийской агрессии.¹ В этой борьбе, в которой Русь и болгары отстаивали государственную независимость своих стран против попыток вмешательства Византии, определялись характер и степень русского влияния на Балканах и устанавливались юго-западные рубежи Киевского государства — общей колыбели братских народов Восточной Европы.

Эпический размах и значение событий, во время которых „Святослав завоевал Силистрию и угрожал Константинополю“,² живо ощущали современники. Русским князем „интересуется весь тогдашний мир“³ — и, в самом деле, редко можно указать событие X в., о котором сохранилось бы такое количество известий, принадлежащих византийским историкам и хронистам, русским летописцам, арабским и армянским писателям. При этом каждая группа свидетельств, передавая общую в основных чертах картину событий, освещает их всякий раз по-иному, отличается в подробностях и порой даже противоречит показаниям других групп источников. Поэтому только сравнительное изучение всей совокупности наличных известий и генетических связей между ними может послужить надежной опорой для воссоздания подлинной истории самих событий. Эта задача является тем более важной и актуальной, что господствующие в буржуазной науке формальные и метафизические методы исследования, органически вытекающие из общих порочных идеалистических взглядов буржуазных историков на исторический процесс, не дали — да и не могли дать — сколько-нибудь прочных и обоснованных выводов в вопросе о сравнительной ценности и взаимосвязи исторических памятников, являющихся источниками для истории Балкан-

¹ См. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. СЛСб, ОГИЗ, 1947, стр. 143 сл.; ср. также П. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, ВИ, 1951, № 8, стр. 101 сл.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соц., т. IX, стр. 439.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 454.

ских войн Святослава;¹ указанное обстоятельство создавало благоприятные условия и для искажения — под влиянием произвольных ненаучных построений и в угоду предвзятым воззрениям — самих фактов. К сожалению, в советской исторической литературе источниковедческой стороне этой проблемы не было уделено достаточного внимания.²

Наиболее полное и последовательное, хотя и резко тенденциозное описание русско-византийской войны 968—971 гг., содержится в византийской исторической литературе: в „Истории“ Льва Диакона (X в.), в хронике Иоанна Скилицы (XI в.), во многих позднейших „всемирных хрониках“. Казалось бы, что наибольшего доверия должен заслуживать самый ранний из источников, но это положение требует в данном случае — вследствие некоторых особенностей византийской исторической литературы — существенных оговорок. Необходимо отнестись со вниманием и к общему соотношению всех памятников, содержащих какие-либо упоминания о византийско-русских и русско-болгарских отношениях изучаемого периода, — тем более, что соответствующие наблюдения не лишены и некоторого самостоятельного значения.

Основным и лучшим источником для истории Балканских войн Святослава принято считать исторический труд Льва Диакона, которого обычно называют очевидцем и даже участником событий.³ Но то, что известно об этом писателе (главным образом из его собственного сочинения), не дает основания для таких утверждений. Лев родился в начале 50-годов X в. в малоазийском городе Калое, Фракисийской фемы. Общественное положение его отца, которого звали Василием, неизвестно; вряд ли он был, впрочем, знатным или богатым человеком. Еще подростком Лев переселился в столицу для получения обычного образования, где был, между прочим, свидетелем возмущения народа против Никифора Фоки в мае 967 г. В декабре следующего года Лев, находясь все еще в Константинополе, видел описанное им затмение солнца. Впоследствии он бывал в Азии, а в августе 986 г. находился при императоре Василии Болгаробойде во время его неудачного похода против болгар и с трудом спасся бегством после поражения византийского войска. В то время Лев был диаконом и, вероятно, не продвинулся выше этой должности; во всяком случае, так же именуется он и в надписании своего сочинения. Время смерти его неизвестно.⁴

¹ Например, см. работы таких „столпов“ буржуазного византиноведения, как Ф. Дёльгер (F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen, BZ, Bd. XXXII, 1932, S. 283 и прим.); А. Грегюар (H. Grégoire. La dernière campagne de Jean Tzimiscès contre les Russes. Byz., t. XII, 1, 1937, p. 268, n. 2) и Г. Острогорский (G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates, München, 1941, S. 147, текст и прим. 1). В последние годы византилисты англо-саксонских стран лишь некритически повторяют традиционные — и к стати сказать, блестяще опровергнутые М. Я. Сюзюмовым — взгляды на Льва Диакона (см. Byzantium, Anntroduction to the East Rome Civilization, ed. by N. Baynes and W. St. Moss., Oxford, 1948, p. 231).

² Из некоторых случайных упоминаний (ВВ, т. I, 1947, стр. 383; ВВ, т. IV, 1951, стр. 66) нам известно о хранящейся в ЛОИИ рукописи покойного М. А. Шангина „Византийские источники о походах Святослава“. Однако, насколько можно судить по опубликованной схеме соотношения между источниками (в статье „Записка греческого топарха“, ИЖ, 1941, № 9, стр. 121), выводы автора существенно отличаются от итогов предлагаемой работы.

³ Например, Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 331; Его же. Иностранцы о славяно-русском войске, ИЖ, 1941, № 9, стр. 105; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 23; К. В. Базилевич. История СССР, ч. I, М., 1946, стр. 81 и мн. др.

⁴ Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri X e recensione C. B. Hasii, etc., Bonnæ, 1828, p. 5.4—11; 64.22—65. 15; 72.1—18; 165.4—7; 172.18—173.7 (далее —

Труд Льва (в десяти книгах) обнимает годы правления Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, т. е. время от конца 959 г. до начала 976 г., выходя, однако, в нескольких местах за пределы указанного периода. По всей вероятности, „История“ завершалась там же, где обрывается сохранившийся текст, который, как кажется, не был окончательно подготовлен к опубликованию, скорее всего, из-за смерти составителя.¹ Очень может быть, что этому же Льву, константинопольскому диакону, принадлежит ненапечатанная похвала архангелу Михаилу и похвальное слово в честь Василия II.²

Историческое сочинение Льва Диакона дошло до настоящего времени в единственной рукописи XI или начала XII в., содержащей также и „Историю“ Пселла,³ и было подготовлено к печати в начале XIX в. французским эллинистом Ш. Б. Газе в качестве заключительного тома „Парижского свода византийских писателей“ (1819 г.).⁴ Ввиду ценности известий Льва для изучения Киевской Руси почти одновременно появился русский перевод, выполненный профессором Петербургского университета Д. Поповым и остающийся до настоящего времени единственным. Перевод Попова был неплохим для своего времени (1820 г.), однако на нем заметно сказались недостаточное знакомство автора со специально византийским словоупотреблением и поспешность работы.

По своему характеру „История“ является типичным памятником византийской феодальной историографии. Произведение Льва Диакона можно назвать хроникой военной и придворной жизни: в центре внимания автора постоянно находятся императоры с их непосредственным окружением, полководцы и высшие сановники церкви; народ упоминается лишь изредка и почти всегда в пренебрежительном тоне.⁵ Вся первая половина труда состоит из рассказа о Критской и Сирийской войнах Никифора Фоки, прерываемого описанием экспедиции его брата Льва против арабов и сообщениями о неудачных походах самого императора в Болгарию, а его полководцев — в Сицилию. Наряду с этим подробно изложены обстоятельства воцарения и гибели Никифора, перемежающиеся описаниями землетрясений и затмений, виденных самим Львом. Во второй половине „Истории“, после рассказа о воцарении Цимисхия

Leo Diac.); ср. также Nasii praefatio, p. XVII—XVIII; K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2. Auflage, München, 1897, S. 266 f.; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, v. I, Budapest, 1942, S. 236 f.

¹ G. Wartenberg. Das Geschichtswerk d. Leo Diak., BZ, Bd. VI, 1897, S. 106. Иначе считают М. Я. Сюзюмов („Об источниках Льва Диакона и Скилицы“, ВО, т. II, вып. 1, 1916, стр. 136, прим. 1) и К. Крумбахер (Ук. соч., стр. 267), настаивающие на основании одного места Льва (р. 176.12—13) на незаконченности его труда. Однако эти слова правильно истолкованы еще Газе, в чем убеждает, вопреки сомнениям В. Фишера (W. Fischer. Beiträge zur hist. Kritik d. Leon Diak., MIOG, т. VII, 1886, S. 355—357), как сравнение с другим высказыванием историка (р. 104.21—22), так и то, что служащее продолжением „Истории“ сочинение Пселла непосредственно примыкает к сохранившемуся тексту.

² A. Ehrhard в указанном сочинении К. Крумбахера, стр. 169. Ср. J. Sykutzes. Λέοντος τοῦ διακ. ἀνεκδότων ἔργων, БВВΣ, 10, 1933, σελ. 425 κ-λ.

³ О рукописи см. Nasii praefatio, p. XXI—XXIII; также В. Г. Васильевский. Хроника Логофета, ВВ, т. II, 1895, стр. 93—94, 146 сл. и E. Renaud. Chronographie de Michel Psellos, v. I, Paris, 1926, p. LXI—LXII.

⁴ Случайная гибель почти всего тиража вызвала уже в 1828 г. переиздание „Истории“ в составе „Боннского корпуса“ (в настоящей работе все ссылки приводятся по этому изданию); кроме того, текст „Истории“ воспроизведен в 97-м томе „Греческой патрологии“ Ж.-П. Миня.

⁵ Ср. Leo Diac., p. 94.21—95.4; 169.16—17; 175.20, также p. 91.13—17; 113.3—9 и весь рассказ о возмущении против Никифора, p. 64.22—65.19.

и назначениях новых церковных иерархов, следует обзор войн с Русью¹ и сирийских походов Цимисхия; здесь же и в заключении помещены известия о возмущениях Фокадов, о чудотворной иконе, о новых церковных назначениях, о небесных знамениях и предсказанных ими бедствиях последних лет, приведших, по словам историка, Римскую империю к почти совершенной гибели. „История“ завершается сообщением о смерти Иоанна Цимисхия. Кроме того, Лев дважды возвращается к истории византийско-болгарских отношений в прошлом, приводя в одном случае рассказ о ранней истории болгар, а в другом — сообщение об Анхимальской битве, и один раз, напротив, забегает вперед, сообщая об неудачном восстании Варды Фоки и о походе императора Василия II против болгар, едва не окончившемся гибелью самого историка вместе с большей частью греческого войска.²

По своему мировоззрению автор „Истории“ вполне сын средневековья; он искренно верит в чудеса, о которых охотно и часто упоминает, восхваляет подвиги христианского аскетизма, не упускает случая выразить похвалу императорам за заботы о строительстве и украшении храмов, боится ведовства, верит предсказаниям и приметам, особенно астрологическим. Это человек ограниченный, любящий блеснуть своими далеко не обширными познаниями. Иногда он приводит довольно объемистые исторические экскурсы, иногда мифологические замечания, причудливо пересыпанные цитатами из Гомера и из библии, порой включает в свой труд целые рассуждения на естественно-научные темы, но чаще всего дает краткие географические или исторические справки — об истоках рек или об основаниях городов. Лев не чужд и нравоучительных тенденций; его морализирующие поучения обычно сводятся к рассуждениям об изменчивости человеческого счастья, но местами они превращаются в целый назидательный рассказ. Мир его узок, представления о природе наивны; Льва привлекает все необычное: уродливые близнецы, землетрясения, затмения солнца, появление комет, падение метеоров, даже сильный дождь. Образование его, в общем, довольно поверхностно, начитанность невелика: она ограничена пределами сведений, почерпнутых из библейских книг, Гомера и историков VI в., т. е. произведений, служивших в то время обычными школьными пособиями. По словам его первого издателя, ничто не позволяет заключить, что Лев знаком с Фукидидом, Полибием или Плутархом; незаметно и влияние Геродота, на которого историк ссылается в начале своего труда.³

Язык „Истории“ напыщен, часто неясен, стиль насыщен тяжеловесными метафорами и описательными оборотами; Лев всячески стремится избегать обиходных слов и простонародных выражений. Этот стиль, как и некоторые неправильности речи, не являются личными особенностями историка; они характерны и для других „полуобразованных византийцев“.⁴ Следуя античной традиции, усвоенной и византийскими учеными, Лев часто вводит в текст вымышленные речи (по подсчету одного из исследователей, они составляют около шестой части всего

¹ Leo Diaс., p. 102.22—111.16; 124.22—126.9; 128.8—145.8; 147.23—159.9, ср. также стр. 63.5—13.

² Там же, стр. 103.18—104.23 и 122.16—124.21, также стр. 169.14—176.13.

³ Там же, стр. 5.20—21; ср. Nasii praefatio, p. XX и K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 267.

⁴ Nasii praefatio, p. XIX—XXI, его примечания на стр. 469—470, 485, 489 и др.; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 268; также Д. И. Иловайский. История России, т. I, изд. 2-е, М., 1906, стр. 685; Н. П. Благоев. Критичен поглед върху известията на Льва Дякон, МП, год. 6, 1930, кн. 1, стр. 25.

труда¹). В рассказе его имеются повторения, а единство плана заменяется чисто внешним стремлением как можно реже менять место действия.² Однако и это правило не выдерживается, зато почти каждое из частых отступлений сопровождается особыми оговорками.³ Цифровые данные его по большей части не заслуживают доверия, причем Лев сплошь и рядом противоречит самому себе — и не только в этих показаниях.⁴

Наконец, хронологические указания Льва неопределенны, а зачастую и просто ошибочны. Как правило, он не приводит точных дат, называя лишь время года; иногда, правда, историк указывает положение солнца среди звезд или фазы луны, иногда — церковные праздники. В тех же немногих случаях (во всей „Истории“ их четыре), когда Лев сообщает год, индикт, месяц и число, эти сведения противоречат друг другу, но индикт указан всегда верно.⁵ Не представляется возможным усмотреть в этих противоречиях какую-либо систему; быть может, они зависят от ошибок переписчика, так как в единственном месте, где дата выражена словесно, она правильна. Время (в годах) царствования императоров вычислено также верно во всех случаях. В нескольких местах у Льва встречаются и изолированные календарные даты, т. е. указания чисел месяцев без обозначения индикта или года. Кроме того, Лев часто прерывает рассказ, отклоняется от нити повествования, возвращается назад и не всегда сохраняет даже правильную последовательность в изложении событий. Показательным примером может служить в этом отношении четвертая книга „Истории“, где, несмотря на внешнюю видимость прагматизма, отправление экспедиции в Сицилию, относящееся к 964 г., описано после сообщения о возмущении народа против Никифора Фоки, которое имело место в 967 г., а разрыв с Болгарией и посольство Калоквира к Святославу, которые могли произойти не ранее 967 г., передвинуты вплотную к событиям 965 г.⁶

Несмотря на все сказанное, авторитет Льва Диакона в исторической литературе достаточно велик. Его обыкновенно рассматривают как очевидца, подробно, верно и беспристрастно описавшего виденные им события. Так, например, по отзыву Крумбахера, достоверность рассказа Льва „лишь слегка нарушается лояльностью его направления“⁷

¹ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 145. Один лишь Никифор Фока произносит три больших и несколько кратких речей, составляющих около десятка страниц.

² Например, Leo Diac., р. 6.5—10 и 30.14—19; 32.19—33.1 и 98.15—18; 46.18—47.1 и 94.2—8; 59.8—13 и 96.16—98.2; 107.13—16 и 117.1—6; ср. также G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 106—110.

³ Leo Diac., р. 26.10—11; 31.13—14; 70.3—4; 72.18—19; 81.10—11; 148.1; 176.15.

⁴ Ср., например, сообщение о четырехсоттысячной армии византийцев под Тарсом с известием о десяти тысячах, составлявших правый фланг (р. 56.7—8 и р. 57.23, а также р. 59.6—7) и с тем, что под осажденной Антиохией был оставлен всего лишь полсотысячный отряд (р. 74.17—18); таковы же показания о боевых потерях, всегда непомерно преувеличенные для врагов и крайне преуменьшенные для греков (например, р. 11.3—5, р. 155.8—13 и мн. др.). Из других противоречий можно отметить замечания об ослеплении Льва Фоки (р. 114.15 и 145.14—19) или о судьбе убийц Никифора (р. 91.13—17 и 99.7—9).

⁵ Вот эти случаи: а) воцарение Романа II в ноябре 3 индикта 6467 г. (р. 5.23—6.1), — следует 6468, т. е. 959 г.; б) воцарение Никифора 16 августа 6 индикта 6470 г. (р. 48.5—6), — следует 6471, т. е. 963 г.; в) смерть Никифора Фоки в ночь с 10 на 11 декабря 13 индикта 6478 г. (р. 93.3—7), — дата верна; д) смерть Цимисхия 10 января 4 индикта 6485 г. (р. 178.13—14) — следует 6484, т. е. 976 г.

⁶ Leo Diac., р. 64.22—66.13 сл.; р. 61.1—62.12 сл.; ср. также F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen, ВЗ, Bd. XXXII, 1932, S. 290—291, Anm.

⁷ Ср. Nasii praefatio, р. XXI; А. Д. Чертков. Описание войны в. к. Святослава против болгар и греков. РИСб, т. VI, кн. 3—4, 1843, стр. 321—322; E. Kunik.

Неудивительно поэтому, что известиям Льва отдают безусловное предпочтение перед сообщениями всех других византийских писателей, распространяя это доверие порой на самые незначительные детали.¹

Между тем, такое отношение, в значительной мере покоящееся на словах самого историка, обещающего писать на основании личных наблюдений или показаний очевидцев,² не выдерживает критики: во-первых, приведенное место является подражанием;³ во-вторых, во время походов Никифора Фоки, относящихся к первой половине 60-х годов и подробно описанных в начале „Истории“, Лев был почти ребенком, а труд его начат не ранее последних месяцев 989 г. (это видно из того, что уже в первых строках „Истории“ говорится о явлении кометы, предвещавшей, по мнению автора, землетрясение; последнее же произошло, по свидетельству ряда источников, в октябре указанного года⁴). С другой стороны, упоминание о Цимисхии как о единственном императоре, победоносно воевавшем в последние годы с болгарами, указывает на составление по крайней мере всей предыдущей части „Истории“ (т. е. первых пяти и половины шестой книги) в годы, предшествовавшие успешным походам Василия II и, во всяком случае, взятию в плен греками болгарского царя Романа в 991 г.; вся остальная часть была завершена вскоре после этого, как можно полагать, — до поражения Самуила на берегах Сперхея весной 996 г.⁵ Действительно, последнее известное Льву событие — восстановление разрушенного землетрясением купола св. Софии — имело место в мае 994 г.⁶

Die Berufung des Schwedischen Rodsen, т. II, СПб., 1845, стр. 445 и 460; В. Г. Васильевский. К истории 976—986 гг., Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 64; Его же. Заметка к статье Н. Ламбина. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 3 и 5; К. Иречек. История Болгар, Одесса, 1878, стр. 240, прим. 1; Д. И. Иловайский. Уж. соч., стр. 685; Д. Я. Самойлов. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-руссов к грекам, ВУИ, 1886, № 6, стр. 27 (отд. оттиск); К. Krumbacher. Уж. соч., стр. 267; Н. Знойко. О посольстве Калокира. ЖМНП, 1907, № 4, стр. 234; М. Грушевский. История Украины-Руси, т. I, Киев, 1913, стр. 568; Н. П. Благоев. Царь Борис II. ГСУ юф, кн. 25, 1930, стр. 4 (отд. оттиска).

¹ См., например, выводы Е. Белова („Борьба Святослава с Иоанном Цимисхием. ЖМНП, 1873, № 12, стр. 173—174 и 180—184).

² Leo Diac., р. 4.22—5.4, р. 5.9—14 и 19—22. Именно на эти слова ссылаются, как на доказательство правдивости историка, Н. Ламбин (О годе смерти Святослава. ЗАН, т. XXVIII, кн. 2, 1876, стр. 138—139), Д. И. Багалея (История Льва Дякона как источник для русской истории. КУИ, т. V, 1878, приб. 1, стр. 2—3), А. Л. Липовский (История греко-болгарской борьбы в 10—11 вв. ЖМНП, 1891, № 11, стр. 122), К. Крумбахер (Уж. соч., стр. 267), Н. П. Благоев (Критичен поглед... МП, год, 6, 1930, кн. 1, стр. 25 и 27) и Г. Моравчик (Уж. соч., стр. 137).

³ Это отметил уже Газе, прим., стр. 397—400 и 401—402 (ср. ниже).

⁴ Leo Diac., р. 4.10—12 и 175.22—23, ср. р. 169.11—13. О времени землетрясения см. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 101—105.

⁵ Leo Diac., р. 104.17—21. М. Я. Сюзюмов (Уж. соч., стр. 138—139) считает, что весь труд Льва написан до пленения византийцами болгарского царя Романа в 991 г. Однако взятие в плен „номинального“ царя (о чем, кстати, Скилица сообщает совершенно не так, как Яхья Антиохийский), равно как и последовавшие грабительские набеги на Болгарию, не помешали Самуилу в 995—начале 996 г. быстро вернуть утраченные земли и распространить свою власть вплоть до Фермопил. Таким образом, до самой Сперхейской битвы у Льва Дякона были основания для того пессимизма, который чувствуется во всем его сочинении. См. В. Н. Златарски. История на Болгарската държава, т. I, ч. 2, София, 1927, стр. 682 сл.

⁶ Leo Diac., р. 176.4—7; ср. текст Яхьи у В. Р. Розена (Император Василий Болгаробойца, СПб., 1883, стр. 26.29—27.1) и замечания Розена (стр. 225—226), а также А. И. Пападопуло-Керамевс. К истории греческих этимологий. ЖМНП, 1908, № 9, стр. 115. М. Я. Сюзюмов объясняет отмеченное место Льва вставкой, но с его аргументацией трудно согласиться.

Таким образом, исторический труд Льва Диакона составлен около 990—995 гг. под живым впечатлением потрясений, постигших византийское государство в предшествовавшее пятнадцатилетие. При этом „История“ составлена если и не в один прием, то, во всяком случае, и не из современных описанным событиям памятных записей Льва, начатых еще при Цимисхии.¹

Но если личные наблюдения историка относятся, за исключением одного-двух случаев, только к мелким и несущественным фактам,² то приобретает особую важность вопрос об использованных им источниках. Прибыть к разрешению этого вопроса можно лишь при сравнении известий Льва Диакона с данными других византийских авторов, писавших о тех же событиях.

Таким автором является, прежде всего, Иоанн Скилица, живший в конце XI в. и занимавший высокие придворные должности. Можно предполагать, что и он, подобно Льву, происходил из Фракисийской фемы.³ Произведение Скилицы, сохранившееся в нескольких рукописях,⁴ напечатано лишь в старинном латинском переводе иезуита Габия (1570 г.) и представляет собой хронику, обнимающую период от 811 до 1079 г. Эта хроника уже вскоре после появления была почти без всяких изменений включена в другой аналогичный труд — во всемирную хронику Георгия Кедрина. Последняя дошла до нашего времени также в нескольких списках, причем один из них относится к первой половине XII в.⁵

Кедрин был монахом; биография его вовсе неизвестна, а время жизни приходится, вероятно, на конец XI или начало XII в. (в своем предисловии, говоря о Пселле, он опускает слова Скилицы, называвшего его современником).

Кедрин начинает свой „Синописис“ с „сотворения мира“ и переходит от ветхозаветной истории к греческой и римсковизантийской, завершая последнюю воцарением Исаака Комнина (т. е. 1057 г.). „Всемирные хроники“ вообще не отличались самостоятельностью, но Кедрин в этом отношении особенно неразборчив: он переписывает в свой труд чужие произведения почти дословно (еще Скалигер охарактеризовал его сочинение как „stabulum quisquiliarum“).

¹ Так считал G. Wartenberg (Ук. соч., р. 106 и 110—111).

² Лев был очевидцем поражения византийцев в 986 г. (р. 171.1—173.11). Очевидцем выступает он и в следующих местах: р. 64.22 sqq., 72.1 sqq., 165.3 sqq.; с известной долей вероятности — также р. 169.10 sqq. и 175.6 sqq. Совершенно непонятно, каким образом А. А. Куник, обычно внимательный к подробностям, считает, что Лев находился при войске Цимисхия во время войны с Русью (Замечания на „Каспи.“ Б. Дорна, СПб., 1875, стр. 637).

³ О жизни Скилицы см. В. Г. Васильевский. Варяго-русская дружина. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 180, 198, 218; F. Hirsch. Byzantinische Studien, Leipzig, 1876, S. 358—359; Н. Сабаланович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб., 1884, стр. XII; Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1891, стр. 26; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 365; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 190; N. Jorga. Médailles d'hist. lit. byz., Буз, II, 1925, р. 275 и сл.

⁴ О рукописях Скилицы см. L. Mabilis. Zwei Wiener Handschriften des Skylitzes, Breslau, 1890, и рецензию П. В. Безобразова на это сочинение (ЖМНП, 1891, № 11, стр. 231 сл.); Ф. И. Успенский. Охридская рукопись Скилицы, ИРАИК, т. IV, вып. 2, 1899, стр. 1 сл.; C. de Boor. Zu Skylitzes, BZ, Bd. XIII, 1904, S. 366 f.; Его же. Weiteres zu Skylitzes, BZ, Bd. XIV, 1905, S. 105 f.

⁵ О рукописях Кедрина см. K. Praechter. Quellenkritische Studien zu Kedrenos, SBAW ph. h. C, 1897, Bd. II, S. 3 f.; K. Schweinburg. Die ursprüngliche Form der Kedrenchronik, BZ, Bd. XXX, 1929—1930, S. 68 f.

Невзирая на то, что сам Кедрин называет среди своих источников Скилицу, его французский издатель А. Фабро считал, будто последний использовал труд Кедрина. Это заблуждение продержалось до второй половины XIX в.¹ На самом деле труд Кедрина почти буквально воспроизводит Скилицу не только от 811 г. и до конца, но и обширное предисловие списано у него же.² Главными источниками Кедрина в той части его сочинения, в которой он независим от Скилицы, являются псевдо-Симеон, Феофан, Георгий Амартол и, наконец, Логофет, которых он использует почти так же дословно.³ Впрочем, при передаче текста Скилицы Кедрин опускает некоторые незначительные подробности (в Боннском издании эти места приводятся в виде сносок), а в последней части вносит отдельные изменения, навеянные и подсказанные, по выражению В. Г. Васильевского, чтением Пселла.

К сожалению, ввиду отсутствия изданного текста хроники Скилицы и засвидетельствованной неточности габиева перевода, не представляется возможным проверить, не вносил ли Кедрин мелких добавлений и при изложении событий X в. Благодаря этому „Синописис“ Кедрина, не являясь самостоятельным источником, сохраняет значение для всей части, совпадающей с хроникой Скилицы, лишь как воспроизведение этой последней и в дальнейшем изложении привлекается только в этом смысле.

Возвращаясь к Скилице, следует отметить, что и его труд представляет собою компиляцию. Однако это произведение выполнено гораздо более внимательно и добросовестно, чем хроника Кедрина. Время его составления определяется следующими соображениями: уже в предисловии Скилица упоминает об истории Пселла, причем именно о второй ее части, написанной, по всей вероятности, в первой половине 70-х годов XI в.;⁴ с другой стороны, судя по тому, что заимствования из истории Атталиата, законченной в конце 1079 или в начале 1080 г., начинаются только с рассказа о правлении Исаака Комнина,⁵ можно считать, что к указанному времени труд Скилицы был уже доведен до времени царствования этого императора. Окончание хроники относится

¹ В последний раз, насколько нам известно, оно встречается у Гфррера (A. Gfrögger, *Byzantinische Geschichten*, Bd. III, Graz, 1877, S. 273, 621 и др.).

² В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 179—180; т. II, вып. 1, стр. 64—65; т. IV, стр. 4; Его же. Обзорные труды по византийской истории, вып. 1, СПб., 1890, стр. 23—24; F. Hirsch. Ук. соч., стр. 356 и 357—376; Ф. И. Успенский. Очерки, стр. 26; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 367, 369; G. Wartenberg. *Leo Diakonos und die Chronisten*. BZ, Bd. VI, 1897, S. 286—287; K. Schweinburg. Ук. соч., стр. 77; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 143.

³ Об источниках Кедрина см. H. Gelzer. *Sextus Julius Africanus*, Bd. II, 1, Leipzig, 1885, S. 280, 357—384; C. de Boor. *Römische Kaisergeschichte in der byzantinischen Fassung*. BZ, Bd. II, 1893, S. 1 f.; K. Praechter. Ук. соч., стр. 105—106; П. Г. Преображенский. *Летописное повествование св. Феофана исповедника*, Вена, 1912, стр. 19—24, 264 и мн. др.

⁴ *Georgius Cedrenus Joannis Scylitzae opes, ab Imm. Bekkero suppletus et emendatus*, t. I, Bonnae, 1838, p. 4. 23—24, но первые заимствования относятся только ко времени Константина Дуки, например, рассказ о смерти этого императора [Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 659.14—660.11 = Psellus (ed. Renauld), t. II, p. 150.25—152.9], об ослеплении Романа Диогена [Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 704.16—705.13 = Psellus, t. II, p. 171.20—172.15]. О двух редакциях труда Пселла см. Н. Сабаланович. Ук. соч., стр. III—V и XII—XIII; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 437; J. V. Bury (E. Gibbon. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, v. V, London, 1898, p. 505); Renauld. Ук. соч., стр. XLIX, sqq.

⁵ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 637.19—649.22 = Attaleiata (ed. Bonn), p. 59.15—70.13. Ср. В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 333—336, 348—349; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 270.

к царствованию Алексея Комнина, упомянутого в одном беглом замечании уже в качестве императора.¹

Историческому труду Иоанна Скилицы предпослано любопытное и не лишнее значения предисловие. Хронист отмечает, что его предшественники оставили либо слишком сжатые и схематические перечисления событий, либо специальные труды, причем оба эти вида исторических сочинений чересчур тенденциозны и содержат ошибки. Ввиду этого он решил, используя наряду с такими сочинениями и устные рассказы, дать занимательное, беспристрастное и достоверное изложение византийской истории, лишенное внутренних противоречий.² В этом предисловии Скилица приводит и имена использованных им писателей, многие из которых совершенно неизвестны. Затем следует история византийских императоров (по царствованиям), начиная от Михаила I и до Никифора Вотаниата.

В части, совпадающей с „Историей“ Льва Диакона, хроника Скилицы значительно отличается от этой последней. При рассказе об экспедиции Никифора Фоки на Крит в изложении Льва все события сосредоточиваются вокруг осады Кандии, Скилица же сообщает о взятии многих других городов и о последующем отозвании Фоки. Только Скилица приводит имя взятого в плен сарацинского эмира; с другой стороны, только у Льва находим известие о триумфе Никифора.³ По-разному рассказано и о походе Льва Фоки: согласно Льву Диакону, войну начали арабы, согласно Скилице — византийцы.⁴ Вообще во всем рассказе о правлении Романа II Лев интересуется только войнами Фокадов.⁵ В описании событий, происшедших в период между смертью Романа II и провозглашением Никифора, только Иоанн приводит важное известие о возобновлении мира с Болгарией; он же сообщает о мнимой связи Никифора с Феофаном, о мерах Никифора по ограничению церковного землевладения, о финансовых мероприятиях императора и о завоевании Кипра.⁶ По-разному изложено и окончание конфликта императора с патриархом Полиевктом и взятие Антиохии византийцами.⁷ Все повествование о дворцовом заговоре и смерти Никифора также различается многими мелкими подробностями.⁸ В описании Русской войны расхо-

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 738.28—739.1. Мнение о том, будто Скилица составил свою хронику в два приема, сначала до 1057 г. и затем до конца (например, В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 180; I. Seger. Byzantinische Historiker des X und XI Jahrhunderts, München, 1888, S. 39), опровергнуто Н. Скаблановичем (Ук. соч., стр. XII—XIII, текст и прим. 4), где указана и литература вопроса. Ср. также А. v. Gutschmid. Kleine Schriften, Bd. V, Leipzig, 1894, S. 442; F. Hirsch. Ук. соч., стр. 358—359; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 365—366. В последнее время считают, что рассказ о событиях 1057—1079 гг. не принадлежит Скилице, а составлен в качестве продолжения к его труду. См. Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 193—194.

² Scylitza (Cedrenus), t. I, p. 3—5, сноска.

³ Leo Diac., p. 7.15—16.23; 24.9—28.12 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 340.8—341.4; 344.10—13, ср. П. Сырку. Византийская повесть об убиении имп. Никифора Фоки, СПб., 1883, стр. 10—12; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 303—304.

⁴ Ср. Leo Diac., p. 17.7—18.14 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 341.4—15, а также места, сопоставленные Вартенбергом.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 122 и 127.

⁶ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 346.21—347.1; 348.12—18; 368.14—380.16; 381.4; 369.10—16 и 363.19—22. Ср. В. Г. Васильевский. Меры в защиту крестьянского землевладения. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 319—327. Следует отметить, что данные нумизматики не подтверждают показаний Скилицы о финансовых мероприятиях Фоки.

⁷ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 351.14—353.5 и Leo Diac., p. 49.20—50.14, а также Scylitza, p. 364.1—13; 365.5—367.20 и Leo Diac., p. 70.3—12; 72.18—74.23; 81.13—83.1. Ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 24—27.

⁸ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 375.7—378.4 и Leo Diac., p. 83.1—90.11. Подробный анализ см. у П. Сырку (Ук. соч., стр. 47—61); также М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 117—118; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 309—310.

ждения не так заметны, но у каждого из историков имеются все же свои детали. Наконец, Лев Диакон лучше осведомлен о последних годах правления Цимисхия.¹

Таким образом, даже беглое сравнение известий Льва Диакона и Скилицы показывает, что хроника последнего является необходимым дополнением к „Истории“ Льва при изучении времени правления Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, не говоря уже о том, что она представляет собою важный источник для последующих событий.

Однако обещания, данные историком в предисловии к его труду, остались им невыполненными. Скилица не свободен от противоречий и очень часто усваивает противоположные тенденции использованных им источников, что очень затрудняет определение его личных симпатий.² Его труд рассчитан на относительно широкий круг читателей. Как и Льва, Иоанна Скилицу интересуют знамения и чудеса, а главным предметом его повествования являются военные и придворные события; особенно подробно рисует хронист батальные сцены. Длинные речи, в отличие от Льва, он предпочитает излагать своими словами; язык его сравнительно прост, но сух и однообразен (иногда, впрочем, Скилица произвольными сокращениями искажает смысл передаваемых им известий).³ Цифровые его данные заслуживают доверия еще в меньшей степени, чем соответствующие известия Льва: например, число руссов в сражении при Аркадиополе показано в 308 тысяч, в то время как у греков насчитывалось только 12 тысяч, причем руссы, по сообщению хрониста, почти все погибли, а византийские потери исчислялись в 25 человек. Прочие числовые данные также баснословны.⁴

Хронологические показания Скилицы, в общем, гораздо более надежны, хотя среди них попадаются и явно ошибочные.⁵ В занимающей нас части его труда можно указать два различных применявшихся хронистом способа обозначения времени: смерть императоров, как правило, указывается полной и правильной датой, выраженной числом, месяцем, индиктом и годом, согласованными между собой;⁶ прочие события обозначаются чаще всего только индиктами, иногда с указанием месяца и числа, или годами правления, порой — вместе с индиктами. Счет годами правления систематически выдержан только для царствования Никифора Фоки, а в рассказе о правлении Цимисхия содержится вообще чрезвычайно мало хронологических данных.⁷ Уже это позволяет предположить, что для правления Фоки и Цимисхия Скилица пользовался разными

¹ Leo Diac., p. 160.1—163.9; 165.17—166.22; 168.4—10; 176.14—178.22; Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 414.12—415.22.

² Например, о смерти болгарского царя Петра сообщено уже на стр. 347.1, а затем приводится рассказ о его переписке с Фокой, стр. 372.4—7; два различных рассказа приводятся о Склире, стр. 483.4—7 и 487.1—3. Ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 107.

³ Ср., например, Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 666.22—667. 1 и Attaleiata (ed. Bonn.), p. 101.18—19.

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 384.16—17 и 22; 388.11—13; 398.17—22; 400.12—14 и мн. др. Об этих числах вполне справедливы суждения А. Д. Черткова (Ук. соч., стр. 238, 343—344 и др.).

⁵ А. Липовский. Ук. соч., стр. 121; также Б. А. Прокиш. Почетак Самуилове владе. ГСГА, другой разред, т. 64, вып. 40, 1901, стр. 123—124.

⁶ Смерть Константина VII — на 15-м году правления 9 ноября 3 индикта 6468 г. — p. 337.13—14 и 23; смерть Романа II — 15 марта 6 индикта 6471 г. — p. 344.22—345.2; смерть Никифора — в ночь на 11 декабря 13 индикта 6478 г. — p. 375.15—16; исключение представляет неверная дата смерти Цимисхия — p. 415.20—21.

⁷ Кроме одного важного указания, p. 392.21, ср. Н. Ламбин. Ук. соч., стр. 123 сл.; D. N. Anastasievic. Die chronologischen Angaben des Skylitzes, BZ, Bd. XXXI, 1931, S. 328.

источниками, причем в первом даты приводились по годам правления императора, а во втором, как кажется, вовсе не было точных хронологических данных.

Так как Скилица является для времени Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимиския сравнительно поздним писателем, а вопрос о его источниках для названного периода был до недавнего времени разрешаем в том смысле, что он использовал сочинение Льва Диакона,¹ то большинство русских и иностранных исследователей предпочитали ему последнее. Однако уже Газе, устанавливая, как ему казалось, почти постоянную и часто дословную зависимость хроники Скилицы от „Истории“ Льва Диакона, отметил, что хронист должен был располагать и другими материалами. Подобные соображения высказывали мимоходом также В. Г. Васильевский и другие ученые,² но только в 1916 г. была напечатана работа М. Я. Сюзюмова, внесшая ясность в этот вопрос.

Прежде всего, можно считать твердо установленным, что при описании периода от 959 до 975 гг. Скилица пользуется, по меньшей мере, двумя источниками. Об этом с несомненностью свидетельствуют приводимые им во многих случаях параллельные рассказы об одних и тех же событиях, но с добавлением некоторых деталей. Эти места резко рожнятся и своей тенденцией — благожелательной к Никифору Фоке — в одних случаях, и враждебной — в других.³ Так, например, он приводит два рассказа о воцарении этого императора, а в передаче известий о его гибели колеблется, которой из имевшихся в его распоряжении версий отдать предпочтение.⁴ Сравнение таких повторяющихся мест Скилицы с рассказом Льва Диакона показывает, что те сведения, которые автор излагает в благожелательном тоне по отношению к Фоке, очень близки к сообщениям Льва, чего нельзя сказать об известиях, окрашенных противоположной тенденцией.⁵ Однако невозможно видеть здесь прямое заимствование со стороны хрониста, так как в сходных со Львом местах повествование Скилицы не только более обильно подробностями, — оно яснее и последовательнее. Таков, например, рассказ об убийстве Никифора, подробно проанализированный П. А. Сырку, таково и известие о народном возмущении в цирке, изложенное у Льва Диакона крайне сбивчиво и неясно, и некоторые другие места.⁶

Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением Г. Вартенберга,⁷ отрицавшего по внешне-формальным основаниям всякую зависимость

¹ Например, *Nasii praefatio*, р. XXI; В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 3—4; J. V. Bury. Ук. соч., стр. 507; Hirsch. Ук. соч., стр. 374; K. Grumbacher. Ук. соч., стр. 366; В. Н. Златарски. Ук. соч., стр. 602, прим.; 628—629, прим.; 691 и др.

² *Nasii praefatio*, р. XX, прим. р. 397 А—В, 400 С, 401 С, 476 В; В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 198, 218; т. IV, стр. 6—9; Hirsch. Ук. соч., стр. 278, 286, 294 и 298; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 302 sqq.

³ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 107—109.

⁴ *Scylitza (Cedrenus)*, т. II, р. 345.15 и 346.20; 347.8—348.11 и р. 348.12—18; в первом случае Никифор представлен жертвой происков Вринги, во втором — автор сообщает о давней любви Фоки к Феофану и о его стремлении к власти. Ср. также р. 378.3—4 и р. 441.13.

⁵ *Leo Diac.*, р. 31.13 и 48.10 и *Scylitza (Cedrenus)*, т. II, р. 345.15—346.20, 347.8—351.6, также *Leo Diac.*, р. 83.1—96.15 и *Scylitza*, р. 375.7—380.2. Ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 20—21; 46—61; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 303—316; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 110—120.

⁶ *Scylitza (Cedrenus)*, т. II, р. 375.7—380.2 и *Leo Diac.*, р. 83.1—96.15; П. Сырку. Ук. соч., стр. 46—64; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 309—310; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 111—112, 118. Ср. также *Scylitza*, р. 370.13—372.2 и *Leo Diac.*, р. 63.13—65.19; нельзя не признать, что Лев совершенно запутывает ход событий.

⁷ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 303, 305, 307, 312, 315, 316—317.

между Львом и Скилицей и противопоставлявшего их рассказы как два различных и независимых повествования. В сходных по содержанию местах Льва Диакона и Иоанна Скилицы наблюдается не только общая близость всего рассказа, но и последовательное сходство каждого предложения, так что отсутствие одних и тех же слов (на чем особенно настаивает Вартенберг) не может служить, — в особенности, если учесть синонимическое богатство греческого языка и различие всего стиля изложения Льва и Скилицы, — решающим доводом в пользу совершенной независимости их друг от друга. Таким образом, хотя упоминаемый Скилицей Лев Азиат (у Кедрина — Лев Кариец) есть скорее всего именно диакон из Калои,¹ каких-либо оснований в пользу непосредственного заимствования Скилицей своего материала из „Истории“ Льва не имеется, если не считать двух буквально выписанных характеристик Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, встречающихся, однако, только в одной рукописи.² Ввиду этого следует принять мнение М. Я. Сюзюмова, что в близких по содержанию и тенденции к хронисту местах и Лев Диакон, подобно своему младшему собрату по перу (и вопреки общепринятому мнению), не является первоисточником, но что оба они имели перед собой труд неизвестного современника событий 959—976 гг.³

Для восстановления, — разумеется, несколько гипотетического, — особенностей и объема этого утраченного произведения, в котором естественнее всего видеть труд исторического характера,⁴ необходимо учесть вообще методы работы Скилицы над его источниками там, где последние известны.

Как было давно доказано, для начальной части хроники Скилица пользуется преимущественно продолжателем Феофана и Генесием. При этом он, подобно всем византийским хронистам, следует по большей части какому-либо одному автору, так что переходы от Генесия к продолжателю Феофана могут быть установлены без особых затруднений, равно как и возвращения к первоначальному источнику.⁵ Однако, переходя попеременно от одного к другому, Скилица порой сокращает обоих, иногда дополняет их подробностями, почерпнутыми из иных, не всегда известных источников, или даже из собственной фантазии. Наряду с этим Скилица, несмотря на стремление придать изложению некоторый прагматизм, не производит коренной переработки своих материалов, а дает лишь очень слабо согласованные между собою извлечения.⁶ Равным образом в последней части хроники, где Скилица пользовался сочинением Атталиата, „Историей“ Пселла, собственными

¹ Scylitza (Cedrenus), t. I, p. 4.33 и Cedrenus, там же, lin. 8. Ср. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 67; Его же. Хроника Логофета, ВВ, т. II, 1895, стр. 135; Fischer. Ук. соч., стр. 376; К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 266 и 367, а также возражения М. Я. Сюзюмова (Ук. соч., стр. 112, прим. 3).

² Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 375.5—22 и Leo Diac., p. 48.10—20 и 91.8—13; Scylitza, p. 415.24—25; 416.16—36 и Leo Diac., p. 96.16—98.2; впрочем, Вартенберг (Ук. соч., стр. 287) считает эти места просто читательскими глоссами, что вполне вероятно. Правда, в некоторых случаях изложение хрониста напоминает пересказ соответствующих известий Льва (например, Leo Diac., p. 157.21—159.2 и Scylitza, p. 412.19—413.15), но и здесь нельзя отрицать возможности обоюдного использования одного утраченного первоисточника.

³ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 112—113, 117 и мн. др. Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 137.

⁴ Представляется несколько искусственным мнение Вартенберга, видевшего в рассказах Льва Диакона и Скилицы общий песенный источник (G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 311—312).

⁵ Hirsch. Ук. соч., стр. 362—375; К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 367; ср., впрочем, замечания Ф. И. Успенского (Очерки..., стр. 26—28).

⁶ Hirsch. Ук. соч., стр. 364, 368, 370—375.

наблюдениями и каким-то неизвестным источником (по предположению В. Г. Васильевского — хроникой Феодора Севастийского), метод его работы остается прежним.¹

Мало того, приводя выписки из различных сочинений, он не только не проявляет никакого критического чутья, но и воспроизводит выражения, теряющие смысл в его компиляции; он часто повторяется и нередко искажает факты.² И для интересующей нас части хроники Скилицы приемы его работы, естественно, сохраняются без изменений.³ Последнее обстоятельство позволяет на основании анализа рассказов Скилицы и соответствующих им по содержанию и характеру мест Льва составить некоторое представление об их общем источнике.

Этот несохранившийся памятник византийской историографии уже содержал, как можно полагать, кое-какие сведения о правлении Романа Лакапина и Константина Багрянородного,⁴ а со времени Романа II автор его интересуется в особенности тем, что имеет отношение к Никифору Фоке и его родственникам. При описании правления Цимисхия автор касался главным образом войны с Русью, и заканчивался этот труд, по всей вероятности, смертью Цимисхия.⁵ Поскольку это утраченное произведение было проникнуто крайне враждебным настроением по отношению к евнуху Василию, всесильному временщику первых лет самостоятельного правления Василия Болгаробойцы, а смещение проэдра Василия имело место в 985 г., можно заключить, что оно было составлено вскоре после этого времени;⁶ однако не менее вероятно, впрочем, также и то, что это историческое сочинение было написано несколькими годами ранее и исходило из непосредственного окружения Варды Фоки, фактически занимавшего после подавления в 979 г. мятежа Варды Склира положение неограниченного владыки византийского Востока.

Во всяком случае, если учесть, что в центре внимания общего источника Скилицы и Льва стоит, безусловно, император Никифор и все его окружение,⁷ то можно полагать, что это произведение появилось до подавления мятежа Варды Фоки (т. е. до апреля 989 г.). Трудно сказать, составлялось ли оно по частям, подобно „Истории“ Пселла (как то предполагает Сюзюмов), но весьма возможно, что именно это сочинение (или его начало) могло быть той семейной хроникой Фокадов, следы которой уловлены Гиршем у продолжателя Амартола, а Сюзюмовым — у Яхъи Антиохийского.⁸ Вполне допустимо также, что его неизвестный автор (а не Лев Диакон) был участником и очевидцем войн с Русью.⁹

Вместе с тем в распоряжении Иоанна Скилицы был для периода 959—975 гг. и другой источник, резко враждебный императору

¹ Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XIII, текст и прим., стр. XIV—XVII; В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 180 и 333—335; S. Rõskl. Studien zu byzantinischen Geschichtschreibern, BGGSW, XX, 1884, S. 277; XXI, 1885, S. 4 f.

² Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XIV и XVI и приводимые там примеры.

³ Ср. наблюдения М. Я. Сюзюмова (Ук. соч., стр. 132—133).

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 287.5—288.17 и Leo Diac., p. 176.14—124.12; ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 373—374; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 120—121.

⁵ П. Сырку. Ук. соч., стр. 7—12; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 122, 124, 127.

⁶ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 414.21—415.22; Leo Diac., p. 176.14—178.16; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 124—126. О времени смещения паракимомена Василия см. Яхъя, изд. В. Р. Розен, ук. соч., стр. 20.12 и примечание Розена, стр. 172—175.

⁷ Эта тенденция еще более сильно выражена в „Истории“ Льва Диакона. Ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 7—11 и 51—54.

⁸ Hirsch. Ук. соч., стр. 50—51; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 123.

⁹ F. Dölger. Ук. соч., стр. 288; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 312; А. А. Куник. Замечания на „Каспий“ Б. Дорна, СПб., 1875, стр. 637.

Никифору. Первые следы его использования заметны также в рассказе о времени Лакапина, а для царствования Константина Багрянородного, Романа II и Никифора Фоки этот источник является главным, уступая свое место только что охарактеризованному труду лишь с момента описания начала борьбы Иоанна Цимисхия со Святославом.¹ Составитель этого также несохранившегося памятника отличался узко церковным мировоззрением. Он относится ко всем событиям и лицам только с клерикальной точки зрения, противопоставляя порой церковные интересы государственным.² Вместе с тем, нет оснований считать этот труд произведением простого монаха: консервативный аристократизм (проявляющийся в возмущении тем, что при Константине Багрянородном высокие государственные посты замещались иногда людьми простого происхождения), а также хорошее образование заставляют скорее предполагать в авторе крупного чиновника, постригшегося после неудачи на служебном поприще, при императоре Константине.³

Это наблюдение позволяет приблизительно установить время составления второго источника Скилицы — скорее всего его можно отнести к первым годам после смерти Цимисхия.⁴ По своему характеру этот утраченный источник мог, конечно, быть, согласно предположению Сюзюмова, продолжением составленной при Романе Лакапине церковной истории, сведения о которой приводит де Боор, но ввиду того, что эта последняя известна по одному заглавию, такое мнение остается недоказуемым.⁵

Использование двух произведений, близких по времени возникновения к описанным в них событиям, совпадающих в значительной части по содержанию и различных по тенденции и подходу к материалу, а также по системе хронологических показаний, делает хронику Иоанна Скилицы важным историческим документом, независимо от того, воспользовался ли Скилица трудами своих неизвестных предшественников или он нашел их уже соединенными в каком-либо томе не дошедшем до нашего времени труде. Несмотря на обычную для византийских хронистов неряшливость приемов литературной работы, из текста хроники можно получить представление об ее источниках, а сравнение с „Историей“ Льва Диакона показывает, что малопритязательный позднейший хронист (В. Г. Васильевский называет его „добросовестным и почтенным компилятором“) оказался более внимательным, аккуратным и подробным, чем претенциозный современный историк.⁶

Рассмотрение источников Скилицы подводит нас вплотную к вопросу об источниках „Истории“ Льва Диакона. Уже Г. Вартенберг, вопреки мнению подавляющего большинства ученых, которые не сомневались,

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 392.21 сл.; ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 372—374; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 128, 132.

² Scylitza (Cedrenus), t. II, 326.20—23; 332.6—335.23; 351.20—352.18, 367.22—370.12; особенно р. 359.20 сл.; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 128—129.

³ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 325.21—326.7; ср. Похвалу Константину Багрянородному за его любовь к наукам, стр. 326.8—20; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 131.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 130. Вряд ли, впрочем, вообще на письменном источнике основан рассказ о неазиатстве Филорея [Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 343.3—9]; что касается места о Фокадах (р. 330.3 сл.), то оно скорее восходит к общему со Львом источнику.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 134; см. также С. de Boor. Zur kirchenhistorischen Literatur, BZ, Bd. V, 1896, S. 16 f.

⁶ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 64—68; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 166 и др.; ср. мнение К. Крумбахера (Ук. соч., стр. 366), который, в противоречии с собственным резким отзывом о хронисте, все же вынужден отметить у него и живой интерес к прошлому, и „почти ясное“ понимание цели своего труда, и умение использовать источники, и, наконец, знание запросов своего времени.

что Лев был современником и даже чуть ли не участником событий, высказал — правда, лишь мимоходом и в качестве случайного предположения — мысль, что у Льва был письменный источник, составленный очевидцем.¹ Это предположение оправдалось: как показано выше, М. Я. Сюзюмов не только подтвердил самый факт, но и доказал, что тот же источник был использован и Иоанном Скилицей; он попытался также определить вероятный объем, характер и время составления этого утраченного памятника.

Кроме того, этот же исследователь указал и на другой источник Льва, который, впрочем, был известен и прежде. Еще первый издатель „Истории“ — Газе отметил в своих примечаниях многочисленные заимствования, сделанные Львом из исторического сочинения Агафия Миринейского (VI в.), оставившего описание войн, которые Византия вела в конце царствования императора Юстиниана.² Сюзюмову удалось доказать, что здесь идет речь не о чисто стилистическом подражании или о механическом заимствовании отдельных слов и выражений, как считали Газе и Крумбахер, но о гораздо более глубокой взаимосвязи: Лев Диакон усматривал аналогию между временем Агафия, писавшего свою „Историю“ в 60-х—70-х годах VI в., и византийской современностью X в., когда после побед и завоеваний Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия (так же как некогда после успешных походов Велизария и Нарзеса), византийское государство вступило в полосу кризиса.³ Избрав своим руководством „Историю“ Агафия, Лев Диакон следует за ним везде, где для того представляется малейшая возможность. Почти дословно списаны, например, детали обучения войск Никифором Фокой, некоторые эпизоды Критского похода и войны с Русью, а также многие речи;⁴ в предисловии Льва заимствованы от Агафия не только план, но и значительная часть содержания.⁵ Наконец, Агафий служит Льву и образцом для стилистического подражания; его влияние чувствуется и в синтаксисе и в лексике многих мест „Истории“.⁶ Вообще Лев Диакон, как правило, приступая к описанию какого-либо события, „пользовался фактическими данными лишь в самых общих чертах, подробности же обстановки он придумывал сам, стараясь по возможности находить их у Агафия“.⁷ Не приходится говорить, насколько проигрывает при таком способе работы достоверность его труда.

¹ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 302, 313.

² *Hasii praefatio*, p. XX, также примечания, p. 397 A—B; 400 C; 401 C; 403 B; 409 A; 411 A; 413 A; 415 B и мн. др. Об Агафии и его „Истории“ см. М. В. Левченко. Византийский историк Агафий Миринейский, ВВ, т. III, 1950, стр. 62 сл.; также К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 240—243.

³ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 140; К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 228, 241, 267.

⁴ *Leo Diac.*, p. 35.1—36.7 = *Agathias* (*Historici Graeci Minores*, ed. L. Dindorfius, v. II, Lipsiae, 1871, p. 178.1—11), ср. *Leo Diac.*, p. 16.18—22 и 17.5—7, также примечание Газе, стр. 448 C; *Leo Diac.*, p. 15.5—16.5 = *Agathias*, p. 159.5—160.11, причем *Leo Diac.*, p. 15.23—16.2 = *Agathias*, p. 164.6—12; *Leo Diac.*, p. 26.1—8 = *Agathias*, p. 156.3—15, ср. примечание Газе, стр. 409 A, 411 A, 419—420; *Leo Diac.*, p. 132.15—134.8 = *Agathias*, p. 317.6 sqq.; речь Льва Фоки повторяет речь Велизария, ср. *Leo Diac.*, p. 20.13—21.23 = *Agathias*, p. 376.1—379.21. См. Газе, стр. 417 B; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 142—144.

⁵ *Leo Diac.*, p. 3.1—5 = *Agathias*, p. 132.1—133.14, в особенности *Leo Diac.*, p. 5.14—22 = *Agathias*, p. 137.27—32 и 140.7—10; *Leo Diac.*, p. 4.5—5.4 = *Agathias*, p. 134.18—135.1, после чего оба сообщают, наконец, свое имя и место рождения, *Leo Diac.*, p. 5.4—9 и *Agathias*, p. 135.31—136.8. См. примечания Газе, стр. 397 AB, 400 C, 401 C; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 140—141.

⁶ Примечания Газе, стр. 403 A, 413 B, 415 B, 416—417 AB и др.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 144.

Отмеченное влияние Агафия сказывается неравномерно в разных частях сочинения Льва; оно наиболее ощутимо в речах и в тех местах, где вкраплены цитаты из Гомера или из библии, где содержатся личные отступления, — т. е. именно там, где авторство Льва Диакона не вызывает сомнений. В местах же, находящихся соответствие в хронике Скилицы, оно менее заметно и сводится только к подражаниям в языке.¹ Однако, несмотря на то, что в первом случае Лев иногда сообщает подробности, опущенные у хрониста,² и вопреки тому, чего можно было бы ожидать от близкого современника событий, его сообщения и в этих случаях сбивчивы и страдают отсутствием ясности; таков, например, рассказ о панике в дирке, свидетелем которой был Лев.³ Иногда ошибки в его рассказе, незамеченные новейшими историками, служили даже основанием для выводов; так, например, Е. А. Белов и М. С. Дринов заключали из явно ошибочного указания Льва Диакона о переброске византийских войск в Европу после битвы Склира с Русью, что греки потерпели поражение у Аркадиополя.⁴ Следует также добавить, что по большей части туманные выражения Льва проистекают не от одной только невнимательности автора и витиеватой напыщенности его речи, как это полагают буржуазные ученые,⁵ но в значительной степени зависят и от политической тенденциозности историка.

Тенденциозность Льва находит свое выражение, во-первых, в непомерном преклонении перед мощью византийского оружия и в самом неумеренном хвастовстве.⁶ Во-вторых, она проявляется в постоянном, настойчивом и назойливом восхвалении, возвеличении и прославлении императора Никифора Фоки. Буквально захлебываясь от верноподданнического восторга, Лев не находит слов для описания его выдающихся военных способностей, храбрости, ума, предусмотрительности и талантов государственного деятеля.⁷ Эта тенденция, особенно ярко выступающая при сопоставлении всех остальных источников,⁸ сплошь и рядом порождает путаницу, что снижает ценность свидетельств „Истории“.⁹

¹ Там же, стр. 145; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 66; ср. примечания Газе, стр. 403 и мн. др.; также К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 267; N. Jorga. Médaillons d'histoire littéraire byzantine, Byz. II, 1925, p. 242, 267—268.

² Например, о количестве золота, врученном Кааокиру для передачи Святославу (Leo Diac., p. 63.11), о посольстве Никифора к болгарам (p. 79.13—80.5), ряд деталей в сцене убийства Никифора Фоки (ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 57—61; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 309—310).

³ Leo Diac., p. 63.13—65.19 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 370.13—372.2; ср. G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 307—308; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 156—157.

⁴ Leo Diac., p. 111.7—8; ср. Е. А. Белов, ЖМНП, 1873, № 12, стр. 173—177; М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. Сочинения, т. I, София, 1909, стр. 469—470 и мн. др.

⁵ Nasii praefatio, p. XX; К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 267—268; Н. П. Благов, МП, год. VI, кн. 1, 1930, стр. 25.

⁶ Например, Leo Diac., p. 80.5—7, также почти все рассказы о сражениях; ср. М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в., УЗ ЛГУ, т. 73, син. вып. 8, 1941, стр. 243.

⁷ Leo Diac., p. 7.13—14; 10.18—11.3; 29.9—30.2; 31.22—25; 34.2—5; 44.1—7; 48.17—20; 52.15—16; 56.6—7; 61.15—16; 65.15—16; 67.19—68.1; 76.15—21; 78.15—18; 79.4—5; 89.15—90.8. Вряд ли после этого можно говорить о беспристрастии Льва, как это делает Д. И. Багалей (Ук. соч., стр. 2).

⁸ Свод почти всех источников см. у П. Сырку. Ук. соч., стр. 7 сл.

⁹ Так, Лев систематически опускает все подробности, рисующие Никифора Фоку неблагоприятными чертами. Таково, например, сообщение о его кротости при завоевании Крита (p. 26.8—28.2), резко противоречащее показаниям других современников; ср. Theodosii Diaconi de Creta exurgnatione acroas, V, verss. 85—114, e recensione F. Jacobii, в Боннском издании Льва Диакона, p. 304—305; Philopatris dialogus, a B. H. Niebuhrio recognitus et repetitus, в том же издании,

Впрочем, и преданность Фоке не является у Льва последовательной и безусловной: придворный диакон и, по всей вероятности, официальный историограф Василия II сумел найти краски и для описания доблестей Иоанна Цимисхия, только что переступившего через труп его возлюбленного монарха;¹ да и другие сильные мира сего, как светские, так и духовные, превращаются под его пером в героев и праведников. Таковы характеристики императора Романа II, болгарского царя Петра, Льва Фоки, Варды Склира, стратопедарха Петра, патрикиев Николая и Никиты, паракимомена Василия, патриархов Полиевкта, Василия и Антония, а также антиохийских патриархов Христофора и Феодора. Утомительное повторение однообразных хвалебных эпитетов сопровождается почти всякое упоминание о перечисленных лицах.² Превознося, таким образом, почти всех поименованных им представителей господствующего класса, Лев гораздо более последователен в своей ненависти к „безумным стремлениям подлой и презренной черни“, всегда готовой, по его мнению, „к расхищению имений, к разорению домов, а порой и к убийству собственных сограждан“.³ Такая позиция, безусловно, не могла не отразиться на всем характере и степени достоверности его труда, рассчитанного на узкий круг высших чиновников, придворных и клира и написанного по прямому поручению правительства.⁴

Официальный—или, точнее, быть может, официозный—характер „Истории“ облегчает нахождение еще одного источника Льва Диакона, использование которого повышает достоверность ряда его сообщений; этим источником являются архивные материалы. В самом деле, сообщая о переговорах между византийскими императорами и иностранными государями и вообще касаясь сношений между политическими деятелями описываемого периода, Лев Диакон не только отмечает всякий раз, что эти переговоры происходили в письменной форме, но и систематически включает в свое изложение отрывки из соответствующих посланий. Таковы письмо Вринги к Цимисхию, Никифора к патриарху Полиевкту, Цимисхия к Святославу, его же, а затем императорского полководца Склира к мятежному Фоке.⁵ Кроме этого, Лев сообщает, не приводя цитат, о посольствах и письмах, отправленных Никифором к африканским сарацинам, им же—к болгарам, и Цимисхием—к Святославу (после падения Преславы).⁶ В пользу документальной достоверности основы всех этих сообщений, несмотря на литературную их обработку в обычном для Льва стиле, говорит, во-первых, то, что в неко-

р. 330.2—11. См. также В. Н. Niebuhr. *Kleine Schriften*, 2-е Sammlung, Bonn, 1843, S. 74; Gfrörer. *Ук. соч.*, Bd. III, S. 66; E. Rohde. *Philopatris*, BZ., Bd. V, 1896, p. 1—2. Весьма показателен также рассказ о воцарении Фоки [Leo Diac., p. 31.13—48.10 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 345.15—346.20, где Лев выпускает, например, обещание Фоки постричься]; таков рассказ о взятии Антиохии (Leo Diac., p. 70.3—14, 72.18—74.23, 81.12—82.24 и Scylitza, p. 364.1—367.20, особенно конец). Об этом см. П. Сырку. *Ук. соч.*, стр. 14—21, 46; М. Я. Сюзюмов, *Ук. соч.*, стр. 152—155.

¹ Leo Diac., p. 97.1—98.2; 99.3—100.12; 127.9—16; также 38.1—2; 50.9—13; 85.7—9.

² Leo Diac., p. 6.5—10; 30.14—19; 78.11; 18.14—21; 107.15—16; 108.22—23; 117.2; 81.20; 107. 17—19; 103.9—11; 66.1; 46.22—23; 94.7; 32.19—33.1; 98.15—99.2; 102.14—16; 163.20—164.2; 164.6—165.2; 100.16—24.

³ Leo Diac., p. 94.21—95.4; ср. также p. 165.15—17; 175.20; 91.13—17; 113.3—9 и весь рассказ о возмущении против Никифора, p. 64.22 сл.

⁴ Ср. W. Fischer. *Ук. соч.*, стр. 358, 372—377.

⁵ Leo Diac., p. 37.23—38.13; 44.22—45.11; 103.11—18; 105.1—107.6; 115.1—116.16; 117.22—119.20 и 126.2—9.

⁶ Leo Diac., p. 75.6—76.15; 79.9—80.5; 138.7—16.

торых случаях историк указывает, через кого были переданы соответствующие письменные известия (например, письмо Никифора к патриарху вез евахитский епископ Филофей, его же послание к болгарам — патрикий Никифор Эротик и тот же епископ Филофей, письмо Цимисхия к Святославу было передано через пленных), и, во-вторых, то, что в одном из приводимых Львом посланий Цимисхия к Святославу содержится упоминание о прежних византийско-русских договорах.¹ Наконец, следы использования документальных материалов можно уловить и в известиях о количестве золота, полученного Калокиром для передачи Святославу, о численности войск Цимисхия при выступлении в поход против грозного русского князя, а также о числе русских воинов, получивших от греков хлеб при заключении мирного договора с Русью.²

В том, что перечисленные сообщения не восходят к общему со Скилицей источнику, убеждает, с одной стороны, то, что у хрониста все эти сообщения отсутствуют (он упоминает лишь вскользь о факте переговоров Цимисхия со Святославом в начале войны и о заключении после ее окончания мирного договора³), и, с другой — то, что весьма неопределенному известию Скилицы о переговорах Вринги с Цимисхием соответствуют два известия Льва Диакона, в одном из которых лишь отмечается, как и у хрониста, самый факт переговоров и передается краткое их содержание, а в другом, помещенном несколько выше, историк приводит выдержку из послания Вринги к будущему императору.⁴ Таким образом, несмотря на то, что во внешнем оформлении этих материалов Лев является, как всегда, усердным подражателем Агафия, в основании их лежат либо непосредственно виденные историком документы, либо официальный сборник соответствующих материалов, наподобие хорошо известных трудов „О посольствах“ более раннего времени.⁵

Подводя итоги, можно заключить, что труд Льва Диакона остается очень важным (хоть и мало надежным во многих случаях) источником, а сам автор представляется скорее „посредственным историком-подражателем“, чем „самостоятельным современным автором“, чем „одним из наиболее компетентных писателей-историков“ да к тому же еще непосредственным свидетелем и даже участником войны Византии с Русью.⁶

¹ Leo Diac., p. 106.4—12, ср. также p. 144.5—8.

² Leo Diac., p. 63.11; 129.16; 132.17—20; 156.9—13. Пятнадцать кентинариев составляют 108 тыс. солидов; эта сумма не покажется слишком большой, если сравнить ее, например, с тем, что Никифор назначил Афонской лавре ежегодную плату в 240 тыс. солидов; см. F. Dölger, *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453*, Bd. I, München, 1924, S. 90—91, № 704—706. Анализ суммы, врученной Калокиру, см. Н. Знойко. О посольстве Калокира, ЖМНП, 1907, № 4, стр. 240—247.

³ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 384.3—6 и 412.1—7.

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 347.8—348.6; Leo Diac., p. 38.15—19; ср. также Leo Diac., p. 37.28—38.13.

⁵ Вряд ли можно оспаривать вообще факт всякого использования письменных материалов, основываясь на введении к „Истории“, как это делает Ламбин (Ук. соч., стр. 138—139), так как само введение в такой же мере списано у Агафия, как предисловие Кедрина — у Скилицы. Равным образом, трудно согласиться и с заключением Ламбина, что между Цимисхием и Святославом могло иметь место только одно посольство и будто „грозные напыщенные речи Цимисхия и такие же ответы Святослава одна только риторика, пустозвонство“ (там же, стр. 131, ср. стр. 128—132 и 135—136).

⁶ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 140, 157, 165—166; ср. В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 9; т. II, вып. 1, стр. 64; также Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 331 и указанную выше литературу: стр. 37, прим. 3; стр. 40, прим. 7.

Темный, запутанный и напыщенный стиль изложения соответствует в общем сбивчивости и неясности содержания.¹ Подражание Агафию и мало уместные заимствования из его „Истории“, легковерие, неумеренное хвастовство и значительная доля официозности понижают его ценность как наблюдателя.² Вместе с тем, Лев располагал ценным источником и, как отмечено выше, кое-какими документами. Он дает портреты своих современников, нарисованные, правда, скорее „с полицейской точностью“,³ чем с проникновенностью художника: таковы, например, портреты Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, а также знаменитое изображение Святослава.⁴ Ему известны многие подробности, подтверждаемые другими источниками, — например, о походе и гибели Игоря, о взятии Веррей болгарскими и т. п.⁵ Кроме того, Лев сохранил, наряду с не лишенными значения крохами античной учености, и такие детали, которые, помимо его желания, бросают порой яркий свет не только на одни события военной истории и придворной жизни, но и позволяют заметить отдельные моменты острой классовой борьбы в Византийской империи. Таковы сообщения Льва о регулярно повторявшихся возмущениях столичного населения при каждой смене на престоле и о восстании против Никифора Фоки в мае 967 г.⁶

Если, таким образом, можно предположить, что сообщения Льва Диакона и Скилицы в части, касающейся Балканских войн Святослава, восходят к общему утраченному источнику, то следует, проверив это положение, определить, кто из них лучше сохранил именно эти сведения, и, кроме того, выяснить, не располагали ли они оба или один из них дополнительными материалами по истории русско-болгарских отношений изучаемого периода.

Сравнивая рассказы Льва Диакона и Иоанна Скилицы о русско-византийской войне, можно прежде всего отметить, что сведения обоих сходятся в некоторых существенных моментах; при этом известия Скилицы подробнее, последовательнее и яснее показаний Льва. Оба видят причину вмешательства Руси в болгаро-византийские дела в посольстве, отправленном императором Никифором к Святославу после неудачной попытки подчинить себе Болгарию. Рассказ Скилицы проще: Никифор, после того, как Петр, владетель болгар, уклонился от выполнения его

¹ См., например, отзыв А. Л. Бертье-Делагарда. Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС, т. XIV, вып. 1, 1909, стр. 305—306.

² М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 23; М. Д. Приселков, Ук. соч., стр. 243.

³ F. Wilken. Ueber die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. ARAW ph-h. K, 1829, S. 124.

⁴ Leo Diac., p. 156.18—157.11. Вряд ли можно видеть в этом описании, верно запечатлевшем облик князя, отраженный в его летописной характеристике, лишь литературное подражание (М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 144 и еще прежде Газе, стр. 488 С). Попытки норманистов усмотреть в этом изображении черты скандинавского происхождения Святослава (напр., Дж. Финлей. История византийской и греческой империи, ч. I, М., 1878, стр. 313) были с достаточной убедительностью разоблачены еще С. А. Гедеоновым (Варяги и Русь, ч. 1—2, СПб., 1876, стр. 360—365). Не может быть сомнения, что при правильном понимании этого места речь могла бы идти скорее о чертах представителя степных народов (ср. А. И. Соболевский. Рецензия на книгу Л. Нидерле „Жизнь древних славян“, ЖМНП, 1914, № 8, стр. 360—361; В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности, Л., 1924, стр. 90), чем викингов или запорожцев (М. Грушевский. Ук. соч., стр. 458; ср. также А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, М., 1938, стр. 84; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 285).

⁵ Leo Diac., p. 106.4—12, 175.10—11 и др.

⁶ Leo Diac., p. 94.21—95.4 и 98.4—10; p. 46.7—47.8.

требования не пропускать венгров¹ на византийскую территорию, отправляет возведенного в сан патрикия Калокира, сына херсонесского протевона, к русскому князю, побуждая последнего щедрыми обещаниями к войне против болгар. В следующем году руссы совершают нападение на Болгарию и, захватив богатую добычу, возвращаются восвояси, но через год снова выступают в поход.² В рассказе Скилицы заслуживает внимания указание на происхождение Калокира и точная датировка событий тремя последовательными годами правления Никифора.³

В противоположность этому Лев Диакон приводит драматический, но маловероятный рассказ о публичном оскорблении болгарских послов, прибывших в Константинополь за данью, приводит речи Никифора, рассказывает о его походе в Болгарию (которая при этом рисуется такими чертами, как будто византийцы никогда не ступали на почву древней Мезии), о внезапном возвращении императора и об отправлении Калокира к Святославу, а затем переходит к другим событиям.⁴ Лишь после рассказа о волнениях в столице, о Сицилийской экспедиции, о походе Никифора к Антиохии, а также о землетрясении и о затмении солнца, Лев возвращается к Калокиру и сообщает об успехе его миссии, о походе Святослава в Болгарию и о смерти царя Петра. Никифор, узнав об этих событиях, готовит войско, укрепляет столицу и решает заключить союз с болгарами, для чего и направляет туда посольство.⁵

Несмотря на риторичность и сбивчивость этого рассказа, вовсе лишнего каких-либо хронологических указаний, в нем содержатся весьма ценные детали: о количестве золота, врученном Калокиру, о союзе побратимства, заключенном между ним и Святославом,⁶ о количестве русских и болгарских войск, об отступлении последних в Доростол,⁷ наконец, о посольстве патрикия Эротика и епископа Филофея к болгарам и об укреплении императором Константинополя. Зато очень важный вопрос о переговорах Калокира со Святославом Лев излагает таким образом, что, согласно его версии, Калокир предлагает русскому князю Болгарию не от имени империи, а от собственного, при условии содействия ему в захвате власти.⁸

¹ Об участии венгров (по терминологии византийских авторов — гуннов или турок) в событиях 968—971 гг. на стороне Руси свидетельствуют и Лев Диакон (р. 108.19) и Скилица (р. 372.6—8, 384.11—17 и 386.3 sq., причем в двух последних случаях наряду с венграми хронист упоминает и печенегов). Вряд ли, однако, здесь может идти речь о чем-нибудь большем, чем о совместных действиях летучих конных отрядов, которые еще до начала русско-византийской войны совершали нападения на византийскую территорию. В этом убеждает, кроме византийских известий, также и свидетельство Лиудпранда (*Liudprandi episcopi Sremonensis Relatio de legatione Constantinopolitana*, Opera omnia, ed. III recognovit E. Dümmler, Hannoverae, 1877, p. 155.35—156.6. Ср. также L. Szalay. *Geschichte Ungarns*, Bd. I, Pest, 1866, S. 41 f.; R. Lüttich. *Ungarnzüge in Europa im X Jh.*, Berlin, 1910, S. 146 f.; В. Н. Златарски. Известие на Ибрахим-ибн-Якуба за Българияте, СБАН, т. XXII, 1922, стр. 67—75.

² Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 372.3—18.

³ См. П. О. Карышковский. О хронологии русско-византийской войны при Святославе, ВВ, т. V, 1952, стр. 130.

⁴ Leo Diac., p. 61.12—63.13; ср. Н. П. Благоев. Ук. соч., стр. 28—31.

⁵ Leo Diac., p. 77.3—80.7.

⁶ Leo Diac., p. 77.23—78.1; ср. М. А. Шангин. Византийские мероприятия по охране границ, ИМ, 1941, № 4, стр. 89—92.

⁷ Leo Diac., p. 78.7—10; ср. П. Мутафчиев. Съдъбините на средновековния Дръстр. „Силистра и Добруджа“, кн. I, София, 1927, стр. 135—136.

⁸ Leo Diac., p. 77.4—15 и 79.10—13. У Скилицы (р. 383.17—384.1) этот мотив проявляется лишь позже, после сообщения о смерти Никифора и уже при описании пребывания Святослава в Болгарии.

Таким образом, в этом случае рассказы обоих византийских писателей дополняют друг друга и должны быть использованы оба, причем общий ход событий лучше очерчен в кратком наброске хрониста.

Иоанн Скилица возвращается затем к русско-болгарским событиям уже после гибели Никифора, вслед за рассказом о церковных делах и отношениях с арабами. Он сообщает, что Русь, в нарушение договора, заключенного с Никифором, закрепляется в Болгарии. При этом хронист указывает на происки Калокира, на отклонение предложений, присланных через послов грозному Святославу, и переходит к описанию войны. По его словам, руссы, присоединив к себе болгар, печенегов и венгров, укрепились у Аркадиополя, а византийский военачальник Склир, пользуясь тем, что враги ослабили бдительность, выслал наблюдательный отряд, который столкнулся с печенегами и увлек их в засаду, где они и были разбиты. При этом хронист подробно описывает борьбу с печенегами, притворное бегство ромеев и новое наступление Руси. Затем следует бой основных сил, исход которого решается, по Скилице, поединком Склира со скифским богатырем и подвигами его брата Константина, которые привели к поражению скифов. После этого войско Склира по приказу императора было перебросено в Азию для подавления мятежа Фокадов.¹

Подобно этому и Лев Диакон переходит к продолжению повествования о войне с Русью лишь после рассказа о гибели Никифора и о первых шагах Иоанна. Он подробно рассказывает о посольстве к Святославу, передает слух о жестокости последнего, о неудаче переговоров, о военных приготовлениях греков и, наконец, о самой войне. Здесь, однако, говорится о двух византийских армиях — одной под командой Склира и другой под начальством внука Петра. Правда, о действиях последней сообщается лишь немногое и, по обыкновению, сбивчиво, неопределенно и неясно.² Но рассказ о Склире в общем сходен с сообщениями Скилицы: здесь есть и засада, и подвиги Варды и его брата, и поражение врагов. После сражения Склир был отозван, а его преемник, Куркуас, не смог воспрепятствовать продвижению врага в Македонскую фему.

И в этом рассказе некоторые детали могут быть установлены лишь путем параллельного изучения данных Скилицы и Льва: первый сообщает, что в авангарде Руси были печенеги, а второй указывает на венгров и болгар; место битвы названо только у первого, но лишь второй сообщает о действиях Петра;³ можно подметить различие и в описании битвы;⁴ наконец, Лев сообщает подробности о посольствах Цимисхия к Святославу, — но, как обычно, не обходится без путаницы в другом важном месте: у него получается, что после победы Склира византийские войска были спешно вызваны в Европу (см. выше). Тем не менее, и здесь необходимо использование обоих авторов.

В третий раз Скилица возвращается к описанию русской войны после рассказа о возмущении Фокадов и его подавлении.

Хронист упоминает о заботах Иоанна Цимисхия по комплектованию и снабжению войска, а затем переходит к изображению военных действий. Сообщив о поступке императора со скифскими лазутчиками, Скилица говорит о его внезапном переходе через Балканы, о сражении

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 383.14—388.19.

² Leo Diac., p. 102.22—103.18; 105.1—111.16, также 126.10—127.9.

³ Leo Diac., p. 107.19—108.9; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 163—164, с чем нельзя не согласиться.

⁴ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 311.

у Преславы, затем о взятии города, о пленении болгарского царя Бориса и, наконец, о приступе, предпринятом против городской цитадели, где засел последний отряд руссов. Вслед за этим, император, отпраздновав в захваченном городе пасху, выступает против Святослава, укрепившегося в Доростоле. Скилица описывает первую битву под стенами города, датируя ее днем св. Георгия, сообщает о прибытии византийского флота, поднявшегося по Дунаю, и переходит к рассказу об осаде Доростола, во время которой происходит еще несколько сражений; тогда же к Цимисхию прибывают послы из некоторых болгарских городов с изъявлением покорности. В заключение хронист приводит известие о ночной вылазке руссов за провиантом и об установлении тесной блокады города.¹

У Льва Диакона последовательный рассказ о Русской войне начинается с того же, с чего ведет повествование и Иоанн Скилица, но историк еще прежде сообщает, что во время пребывания Склира в Азии руссы успешно воюют против магистра Иоанна Куркуаса.² Приготовления к войне описаны в обычном для Льва напыщенном тоне, а рассказ о походе в Болгарию украшен речами, произнесенными императором и его военачальниками при вступлении в балканские горные проходы. Затем следует рассказ о взятии Преславы и о дальнейших событиях, причем сообщения Льва значительно короче и обильно уснащены словесными украшениями.³

В этом случае можно также указать ряд различий в изложении Льва Диакона и Скилицы. Хронист датирует поход вторым годом правления императора Иоанна, приводит имя друнгария Льва, снаряжавшего византийский флот, сообщает о русских послых или лазутчиках, захваченных греками, а историк — о создании „отряда бессмертных“ и о колебаниях ромеев при вступлении в горные теснины; по-разному рассказывают тот и другой о сражении у Преславы (это отметил уже Газе), причем Скилица ошибочно относит к этому месту речь Святослава к воинам,⁴ а Лев правильно указывает, что русский князь стоял с главными силами у Доростола; Лев знает также имя первого воина, взобравшегося на стены, а Скилица сообщает, что город был взят в течение двух дней.

Об осаде Доростола сведения Скилицы и Льва Диакона снова дополняют друг друга: Иоанн Фракийский точно датирует первое сражение, называет военачальника Феодора, командовавшего передовым отрядом византийцев, рассказывает о ночной вылазке руссов за провиантом, о подчинении болгарских городов Цимисхию; Лев, со своей стороны, подробно сообщает об укреплении византийского лагеря. Различие между ними заметно и в описании сражения, где пал Сфенкел: по Льву, гибель военачальника решила исход битвы, а по Скилице, руссы стали отступать, лишь когда узнали о том, что греки отрезали им возвращение в город. Зато Лев сообщает еще имя Феодора Лалакона, побившего немало врагов своей железной булавой.

Итак, для восстановления хода событий опять-таки необходимо использовать показания обоих авторов.

К повествованию о заключительной части русско-византийской войны Скилица подходит после сообщения о побеге Льва Фоки и о его

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 392.21—403.21.

² Leo Diac., p. 126.10—127.9.

³ Leo Diac., p. 128.1—145.8.

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 394.7—11, этому противоречит все дальнейшее — см. p. 397.19 sqq.; ср. также Leo Diac., p. 134.10—19.

попытке поднять возмущение против Цимисхия. Скилица рассказывает о гибели Куркуаса, затем о поединке Икмора с Анемой и, наконец, о военном совете руссов и последнем сражении. После этого хронист сообщает о переговорах, заключении мира и свидании Цимисхия со Святославом, а в заключение приводит известие о посольстве уже известного нам епископа Феофила к печенегам и, — несколькими строками ниже, — о гибели русского князя на обратном пути на родину.¹ Лев Диакон излагает события в том же порядке,² но подробно останавливается на похоронных обрядах руссов. Последний бой описан у Льва короче и, как это было отмечено Вартенбергом, одни и те же события изложены в другом порядке: Скилица говорит о начале сражения, о притворном отступлении византийцев, о стычке Феодора Мистейского с руссами, о безуспешном предложении Цимисхия покончить сражение единоборством со Святославом, об обходном движении, порученном Склиру и другим византийским военачальникам, затем о гибели Анемы, наконец, о буре и чудесном вмешательстве св. Феодора, решившем исход битвы. Лев Диакон начинает описание боя с гибели Анемы, которая вызвала отступление греков, рассказывает о переходе последних в атаку под личным предводительством императора, затем о буре и „сверхъестественной“ помощи, ниспосланной грекам, а потом неожиданно сообщает, что руссы были окружены Склиром.³ О предложении единоборства, о намеренном отступлении греков, о том, что маневр Склира был выполнен по указанию императора, Лев не говорит ни слова, но зато отмечает, что Святослав был ранен и едва не пал в бою.

Переходя к описанию дальнейших событий, оба писателя снова расходятся между собою: Лев подробно излагает условия мирного соглашения с Русью; создается даже впечатление, что он имел в своем распоряжении текст договора.⁴ По всей вероятности, показание о числе русских воинов, получивших хлеб при заключении мира, взято из письменных источников: вряд ли Лев имел основания выдумывать, что именно двадцати двум тысячам руссов было выдано ровно по два медимна зерна.⁵ Кроме того, в рассказе о личном свидании Цимисхия со Святославом Лев приводит знаменитое описание наружности русского князя и сообщает, что последний говорил с императором, сидя на скамье в лодке; этот факт имеет не только политическое значение, на что обратил внимание академик Б. Д. Греков,⁶ но и свидетельствует о хорошей осведомленности того источника, откуда Лев почерпнул эту деталь.⁷ Зато Скилица упоминает о посольстве, отправленном Цимисхием к печенегам, что не оставляет сомнения в причастности византийцев к гибели Святослава.

Сравнение известий Льва Диакона и Скилицы о Балканских войнах подтверждает вышеизложенную точку зрения на взаимное отношение этих авторов. Различие в их показаниях не настолько велико, чтобы можно было считать, будто оба писателя являются совершенно незави-

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 405.3—412.21 и 413.15—19.

² Leo Diac., p. 147.24—159.9.

³ G. Wartenberg. Уж. соч., стр. 313—314.

⁴ М. Д. Приселков. Уж. соч., стр. 244.

⁵ Leo Diac., p. 156.10. Вряд ли можно усматривать в этом месте что-либо большее, чем простое сходство с летописным текстом, говорящим о получении Святославом дани с греков из расчета на 20 тыс. человек; см. Лаврентьевскую летопись, ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926, стр. 70.4—7, также Ипатьевскую летопись, ПСРЛ, т. II, вып. 1, изд. 3-е, Л., 1923, стр. 58.29—31.

⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 460.

⁷ Leo Diac., p. 157.9—11.

симыми друг от друга (Вартенберг). В то же время, целый ряд деталей, сохранных только Скилицей, — причем в местах особенно близких к труду его предшественника, — делает неосновательным предположение об использовании хронистом „Истории“ Льва (Газе). Значительное сходство некоторых мест, приводимых у обоих авторов в различном порядке, подтверждает мысль, впервые высказанную М. Я. Сюзюмовым, что в основе их рассказа о болгаро-русских делах лежит один и тот же утерянный первоначальный источник. При этом изложение хрониста в общем последовательнее, отличается наличием хронологических указаний и внушает больше доверия. Тем не менее, путаница встречается и у Скилицы, который опускает некоторые существенные известия, использованные Львом. Наконец, в рассказе последнего заметно влияние архивного материала; на основании которого могли быть даны известия о переговорах Цимисхия со Святославом, о посольстве Цимисхия к Святославу после взятия Преславы, а также о договоре, заключением которого окончилась война.

Отсюда следует, что при изучении истории русско-византийских и русско-болгарских отношений в 60-х — 70-х годах X в. только критическое использование известий Льва Диакона и Скилицы и сопоставление их показаний в каждом отдельном случае позволит определить, кому следует отдать предпочтение. Однако для этого необходимо привлечь и соответствующие данные других византийских источников, сохранивших известие о тех же событиях.

Кроме Льва Диакона и Скилицы известие о войне Руси с империей содержится еще в целом ряде византийских хроник. Таковы труды Иоанна Зонары, Константина Манассии, Михаила Глики, так называемый Синописис Сафы и еще несколько других. Из них наиболее подробным и важным является рассказ Зонары.

Иоанн Зонара, бывший, как и Скилица, крупным сановником, жил в первой и начале второй половины XII в.¹ Уже в зрелом возрасте он постригся в монахи и занялся учено-литературной деятельностью. Согласно пожеланиям своих друзей (вероятно, также монахов) Зонара приступил к составлению всемирной хроники. В нескольких местах своего труда он жалуется на отсутствие на острове, где он жил, необходимых для работы книг.² Хроника Зонары обнимает события от „сотворения мира“ до воцарения Иоанна Комнина. Скорее всего его труд был выполнен при этом последнем и являлся первым произведением автора; как и большая часть византийских историков и хронистов, Зонара не считал „полезным и своевременным“ продолжать рассказ о правлении царствующего императора.

Хроника Зонары была одной из популярнейших византийских хроник; текст ее сохранился в многочисленных рукописях, из которых самая

¹ Время жизни Зонары, которое прежде определяли первой четвертью XII в., установлено А. С. Павловым (Замечания на программу издания церковных правил, ЗНУ, т. XVI, 1875, приложение, стр. 4—9; ср. его же. К вопросу о хронологическом отношении между Аристином и Зонарой, ЖМНП, 1896, № 1, стр. 173—183). О Зонаре см. Hirsch. Ук. соч., стр. 377 сл.; Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XVII; К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 370 сл.; М. Красножен. Толкователи канонического кодекса Восточной церкви, изд. 2-е, Юрьев, 1911, стр. 88—95 и 129 сл.; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 196 сл.; N. Jorga. Ук. соч., стр. 284 сл.

² Joannis Zonarae Epitome historiarum, edidit L. Dindorfius, vol. I, Lipsiae, 1868, p. 5.15—21; 9.9—14, p. 399.8—20. Уже Павлов (Замечания, стр. 7, прим. 1) показал, что это остров Св. Гликерии (один из Принцевых островов в Мраморном море); см. также M. Heinemann. Questiones Zonarae, partic. I, Lipsiae, 1895, p. 14 sqq.

ранняя относится к концу XIII в.¹ Она начинается с рассказа о шести днях творения, затем следует обычное изложение иудейской и римской истории, после чего идет рассказ о византийских императорах от Аркадия до Алексея Комнина включительно. Изложение в этой последней части довольно равномерное и плавное, отличается церковной окраской. Вообще вся хроника Зонары, как и его церковные сочинения, написаны точным, ясным и в то же время образным языком.

Зонара, судя по его труду, был гораздо более самостоятельным писателем, чем многие византийские хронисты, не говоря уже о таком рабском списывателе, как Кедрин. Правда, в предисловии автор отказывается от всякого согласования противоречивых показаний различных историков и обещает даже сохранять в своем повествовании их манеру изложения и особенности языка.² Однако это правило соблюдается лишь по отношению к древним авторам. Переходя к византийской истории — и чем ближе к концу хроники, тем это заметнее, — Зонара все более и более свободно перелагает труды своих предшественников, сознательно сокращает их рассказы, иногда сравнивает их известия, исправляет ошибки, выражает даже порой недоверие к их сообщениям, а передавая кажушиеся ему невероятными места, прямо ссылается на показания своих источников.³ Изредка Зонара даже перемежает историческое повествование с изложением собственных взглядов: например, в передаче речи императора Юстина II к Тиверии, которую Кедрин, как и следовало ожидать, просто списал у так называемого Льва Грамматика (т. е., собственно говоря, у Симеона Логофета), Зонара высказывает свои взгляды на общественные обязанности государя.⁴

Но все же его сочинение остается почти на всем своем протяжении не более чем добросовестной компиляцией с сильно выраженной церковной тенденцией. Уже в предисловии Зонара объявляет всякую светскую науку делом суетной праздности, а составление своей хроники объясняет неотступным настоянием окружающих и приводит в подтверждение длинные наставления своих друзей. В качестве побудительного мотива к составлению своего труда хронист выставляет также и благочестивое желание занять время и прогнать низменные заботы, а тяжкий грех подобного времяпрепровождения целиком возлагает на тех, кто принуждал его к этому труду.

¹ К концу истекшего столетия было известно 42 рукописи, из них 19 полные и 10 содержащих только византийскую историю; см. В. Г. Васильевский. Обзорение, стр. 135—136; Th. Büttner-Wobst. Studien zur Textgeschichte des Zonaras, BZ. Bd. I, 1892, S. 219 f., U. Ph. Boissevain. Zur handschriftlichen Ueberlieferung des Zonaras, BZ, Bd. IV, 1895, S. 255 f.

² Zonaras, v. I, ed. Lipsiae, p. 5.25—6.6.

³ Например, он исправляет неправильную ссылку Скилицы на „Историю“ Пселла (Joannis Zonarae Epitome historiarum libri XIII—XVIII, edidit Th. Büttner-Wobst, v. III, Bonnae, 1897, p. 704.9—13, ср. также p. 507.15—16; 584.6 sqq.; 596.16—597.21; ср. В. Г. Васильевский, Труды, т. II, вып. 1, стр. 65, Hirsch. Ук. соч., стр. 380). Ср. его попытки согласовывать противоречия в соборных определениях (М. Красножен. Ук. соч., стр. 145—160).

⁴ Zonaras, v. III, ed. Bonn, p. 178.9—17; ср. Cedrenus, t. I, p. 685.20—686.19 (см. также В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиверии, ИАН ОГН, 1928, № 2, стр. 135—137). Равным образом и в своих толкованиях на соборные определения Зонара сетует, что императорская власть в его время стала тиранической, а значение сената упало (комментарий к 28-му правилу Халкидонского собора, в известном сборнике Рали и Потли, т. II, стр. 282.8 сл.), а также указывает на нарушения императорами церковных правил (там же, стр. 247.11 сл., Комментарий к 12-му правилу того же собора; ср. в хронике т. III, Боннского издания, стр. 505.13—16 и 506.10—19). Вряд ли в этом, впрочем, позволительно видеть что-либо иное, кроме довольно слабой оппозиции удалившегося от дел сановника.

Не касаясь в рамках настоящей работы вопроса об источниках до-византийской части хроники Зонары,¹ следует сказать, что для собственно византийской истории он использовал многие труды. Так, Зонара обнаруживает знакомство с „Историей“ Прокопия, знает хроники Феофана и Георгия Амартола с их продолжениями, а также пользуется и сочинением Скилицы. Вполне вероятно, что он имел в своем распоряжении и некоторые неизвестные произведения.² Для истории XI в. Зонара прибегает к трудам Пселла и Атталиата; наконец, история Алексея Комнина изложена у Зонара совершенно самостоятельно, „здесь он является взвешенным и очевидцем и имеет значение источника первоначального“.³

Для времени Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия повествование Зонары представляет сокращенный пересказ соответствующей части хроники Скилицы, не всегда удачный во всех деталях именно из-за краткости. Зонара передает текст своего источника шаг за шагом, в той же последовательности, сохраняя все существенное содержание рассказа, но опускает многие подробности — имена второстепенных участников событий, точные топографические и географические обозначения и многие хронологические даты — одним словом, все то, что утратило непосредственный интерес для его читателей.⁴ Так как он не является, кроме того, просто переписчиком, а излагает прочитанное своими словами, то у него получаются иногда некоторые неувязки и шероховатости, выясняющиеся при сравнении с соответствующими местами Скилицы. Так, например, Зонара не указывает точного времени смерти Романа II, провозглашения и коронации Никифора и многих других дат, имеющих у его предшественника. Он опускает также подробности сражений и событий придворной жизни, а некоторые известия передает в другом порядке: например, приказ, отданный Цимисхием Варде Склиру, Зонара приводит лишь после сообщения о попытке Льва Фоки к бегству; весь рассказ о последнем, вставленный Скилицей в изложение событий войны с Русью, у Зонары приводится уже после смерти Цимисхия и предваряется особой оговоркой.⁵ При этом хронист не чужд и некоторых риторических приемов; он оживляет рассказ внесением в него вымышленных подробностей или своих замечаний, не имеющих, естественно, документального характера.⁶

Если бы, таким образом, труд Зонары был для периода 959—975 гг. лишь сокращенным пересказом Скилицы (к этому склоняется, повиди-

¹ Об источниках первых 12 книг и поныне не потеряла полностью значения работа Шмидта, перепечатанная из малодоступного журнала в 6-м томе Лейпцигского издания; ср. также Th. Büttner-Wobst. *Die Abhängigkeit des Zonaras von den erhaltenen Quellen*, Leipzig, 1890; E. Patzig. *Ueber einige Quellen des Zonaras*, BZ., Bd. V, 1896, S. 34 f. Краткий обзор источников указан у К. Крумбахера (Ук. соч., стр. 372—376); ср. дополнения у Моравчика (Ук. соч., стр. 199—200).

² Об источниках собственно византийской истории см. продолжение указанной статьи Патцига, BZ. Bd. VI, 1897, S. 322 f. (до правления Маврикия); P. Sauerbrei. *De fontibus Zonarae*, CPJ, vol. 1, 1881, стр. 1 сл. (от Маркиана до Никифора I); Hirsch. Ук. соч., стр. 377—391 (от Михаила I до Романа II); G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 291—302 (правление Никифора Фоки и Цимисхия); Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XVII—XX (от Константина VIII до конца).

³ Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XIX. Автор справедливо отвергает мнение Диндорфа, будто Зонара пользовался „Алексиадой“, и показывает, что, наоборот, здесь мы имеем дело со вставкой в текст Анны отрывка из Зонары. На стр. XVIII Скабаланович сводит в примечаниях все места, заимствованные Зонарой у Пселла и Атталиата.

⁴ См. G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 299—300.

⁵ Ср. Zonaras, ed. Bonn, III, p. 525.16—526.2 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 388.14—19, а также Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 538.3—14.

⁶ Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 496.11—13, также p. 485.3—10 и мн. др.

тому, В. Г. Васильевский¹), то он не представлял бы какого-либо интереса для историка. Однако в хронике имеется ряд сообщений, отсутствующих в ее главном источнике и не возбуждающих никаких сомнений в своей достоверности. Эти известия иногда сводятся лишь к незначительным подробностям, как, например, приведенное хронистом прозвище Романа II, но чаще не лишены известного значения. Зонара упоминает — правда, довольно неопределенно — о военной реформе Никифора Фоки, о намерении его оскопить детей Романа II (об этом сообщают также многие западноевропейские и восточные источники), о том, что женьтба Цимиския на Феодоре произошла по настоянию паракимомена Василия, а также приводит ответ болгарского царя Петра Никифору Фоке.² Наличие этих деталей при общей близости всего рассказа Зонары к повествованию Иоанна Скилицы делает весьма вероятным предположение, что Зонара использовал наряду с хроникой последнего и тот церковно-исторический труд, который был указан выше в качестве одного из источников Скилицы.³ В пользу этого говорит и некоторое усиление клерикальных — и притом именно враждебных Фоке — тенденций у Зонары, вряд ли являющееся результатом стремления хрониста выразить свои собственные воззрения.⁴ Следует указать также, что сведения об этом отрезке времени, заключающемся в одном источнике Зонары (см. ниже), вообще значительно короче его рассказа об интересующем нас периоде; поэтому отмеченные детали не могли быть заимствованы из этого источника. Таким образом, хроника Иоанна Зонары является, хотя и не первостепенным, но все же существенно важным источником и не может быть оставлена без внимания при изучении русско-византийской войны при Святославе.⁵

Меньшую ценность, чем рассмотренная хроника Зонары, имеют произведения других хронистов. Такова, прежде всего, хроника младшего современника Зонары, Константина Манассии. Автор ее, живший при Иоанне и Мануиле Комнинах, по справедливости может считаться их придворным поэтом.⁶ Манассии принадлежит целый ряд стихотворных и прозаических сочинений, лишенных, по большей части, какого-либо исторического значения. Кроме того, он оставил краткую хронику в 6733-х пятнадцатисложных стихах. Хроника доведена до воцарения

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 4—5 и 7—8.

² Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 493.7—14; 516.6—8; 527.5—7; также 513.3—7.

³ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 291—297; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 133; В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 66; об этом говорят и наблюдения Прехтера (Ук. соч., стр. 45, 77 и др.).

⁴ Например, Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 497.1—3, 500.3; 502.4—5 и др.

⁵ Необходимо отметить, что славянские переводы исторического труда Зонары, выполненные в XIV в. в Сербии, а также краткая редакция славянской хроники Зонары не содержат в интересующей нас части никаких добавлений по сравнению с греческим текстом. Так как славянский перевод Зонары все еще не издан, приходится руководствоваться сообщениями, имеющимися в литературе. Ср. А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, М., 1869, стр. 8—15; V. Jagić. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik, ASPH, Bd. II, 1877, S. 14—17; П. Лавров. Южно-славянская переделка Зонары, ВВ, т. IV, 1897, стр. 452—461; U. Nizgjo. Alcune pagine di storia bulgare, „Bessarione“, v. I, 1901, p. 404 сл.; v. II, 1902, p. 221; v. III, 1902, p. 71 сл.; П. О. Потапов. Судьба хроники Зонары в славяно-русской литературе, ИОРЯС, т. XXII, 1918, кн. 2, стр. 140—186. Равным образом не содержит никаких добавлений и та редакция Зонары, которая составляет продолжение славянского перевода хроники Симеона Метафраста и известна под его именем; Симеона Метафраста и Логофета Списание мира от бытия и летописник, изд. АН, СПб., 1905, стр. 145.28—155.2, ср. Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 490.3—538.14.

⁶ О жизни и литературном наследстве Манассии см. Ф. А. Терновский. Изучение византийской истории в древней Руси, вып. 1, Киев, 1875, стр. 118—121; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 376—379; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 203—204.

Алексея Комнина (1081 г.), истории которого, равно как и его преемников, придворный стихотворец не касается под предлогом того, что они совершили „слишком много великих дел“.

Хроника Манассии носит отпечаток поэтических и риторических увлечений автора. Рассказ ведется напыщенным языком, со многими мифологическими экскурсами и частыми моральными наставлениями. Автор вовсе не интересуется вопросом достоверности своих источников; все его помыслы направлены на соблюдение правил стихосложения и чистоты языка. Даже в последней части он вносит в повествование собственные измышления; вообще во всей хронике содержится немало ошибочных известий.¹

Рассказ Манассии в части, совпадающей с повествованием Льва Диакона, заключен в 279 стихах.² Кратко отметив, что при Романе II правительственные дела находились в руках Вринги, хронист касается семейной жизни императора, затем сообщает о походе на Крит и о войне в Азии; после этого, упомянув о смерти Романа, он переходит к событиям, связанным с воцарением Никифора Фоки. Кроме трескучих и бес-содержательных похвал этому последнему, Манассия сообщает лишь самые скудные сведения о его правлении, отмечает скупость Никифора и наступившую при нем дороговизну, затем рассказывает о заговоре против императора и о его убийстве. Наконец, в повествовании о Цимисхии хронист кратко касается его восточных походов и лишь после этого, нарушая всякую последовательность событий, останавливается в нескольких стихах на русской войне; вставляя в свое изложение обычные риторические прикрасы.³ В заключение следует характеристика Цимисхия; все повествование завершается кратким послесловием. Никаких существенных дополнений рассказ Манассии не содержит, если не считать указания на страсть Романа II к охоте, упоминания о триумфе Фоки после Критского похода и ошибочного известия о двоекратном взятии Антиохии.⁴

Для выяснения источников отмеченной части хроники Манассии перво-степенное значение имеет опубликованная в конце прошлого века К. Сафой обширная анонимная хроника, охватывающая период „от Адама“ до занятия Константинополя греками при Михаиле Палеологе. Этот труд, обычно называемый Синописом Сафы,⁵ распадается на две самостоятельные части: первая, после краткого вступления, где неизвестный составитель откровенно указывает на компилятивный характер своего труда и сравнивает себя с украшенной чужими перьями вороной из басни, излагает в обычном порядке события древнееврейской истории; далее от рассказа о Персии автор переходит к Александру, перечисляет эллинистических царей Египта и затем приступает к изложению римской истории, которую доводит до Августа. Здесь составитель снова возвращается к иудейским делам и лишь от Тиберия начинается повествование о римских и византийских императорах, причем довольно обширный рассказ о Константине предваряется особым заголовком. Это повествование обрывается на событиях правления Никифора Вотаниата, за посвященной которому статьей приводится грамота Алексея Ком-

¹ См. перечисление их у Н. Скабалановича (Ук. соч., стр. XXV).

² Constantini Manassis Breviarium Historiae metricum, recognovit Imm. Bekkerus, Bonnae, 1837, verss. 5630—5908, p. 239—251.

³ Manasses, verss. 5888—5896, p. 250.

⁴ Manasses, verss. 5664—5674, p. 241, также verss. 5648—5651, p. 240. Ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 405 сл.

⁵ Иногда автором его называют Федора Скутариота, церковного деятеля времени Михаила Палеолога. Ср. Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 329 сл.

нина, — после нее следует вторая часть. Здесь резко меняется весь стиль изложения, которое становится весьма обстоятельным, исчезают заголовки, отделявшие одно царствование от другого, появляются в значительно большем числе точные хронологические даты: этот характер изложения сохраняется до конца всего текста памятника.¹

Не трудно убедиться, что в первой части, доходящей до 1081 г., Синописис имеет значительную близость с сочинением Зонары, будучи в то же время короче его и приближаясь в этом отношении к хронике Манассии. Вообще не может быть сомнения в существовании связи между стихотворной хроникой последнего и Синописисом, причем речь идет не только об общем сходстве содержания и текста, но и о прямом использовании Синописиса Манассией.² Принимая во внимание разницу во времени составления обеих хроник, следует предположить, что Манассия использовал именно первую часть Синописиса, очевидно существовавшую в виде отдельной хроники и лишь впоследствии включенную в изданный Сафой свод.³ О степени близости между этой анонимной хроникой и трудом Манассии можно судить по тому, что те известия хрониста, которые встречаются только у него, имеются и в первой части Синописиса Сафы, но притом без ошибок, допущенных хронистом. Так, отмеченное выше известие о вторичном взятии Антиохии может быть исправлено на основании Синописиса; равным образом ошибочное сообщение стихотворца о мнимом объединении церковью патриархом Евфимием также отсутствует в Синописисе, несомненно послужившем источником Манассии для всего данного места.⁴

Известия анонимного источника Синописиса Сафы о событиях правления Романа II, Никифора и Цимисхия не отличаются особой обстоятельностью. В рассказе о Романе II упомянуты его полководцы и фактический правитель государства — Вринга, затем говорится о Критском походе Фоки. После этого следует упоминание о письме, посланном Врингой к Цимисхию, о благородном отказе последнего от его соблазнительных предложений и о провозглашении Никифора императором. О правлении последнего говорится очень кратко и вслед за известием о воцарении приводится сообщение о его смерти. Далее помещен абзац, содержание которого важно для установления хронологии событий, а за ним идет столь же сжатый обзор событий правления Цимисхия, причем рассказ о смене патриархов сопровождается снова краткой хронологической справкой. Весь отдел завершается характеристикой Цимисхия. Ни о войне с Болгарией, ни о войне с Русью никаких известий в этом месте не содержится.⁵ Следует, таким образом, полагать, что данные об этих событиях Манассия почерпнул из хроники Зонары, послужив-

¹ Относительно второй части Синописиса К. Сафа выставил совершенно неприемлемое и необоснованное предположение, будто изданный им текст послужил источником Никиты Акомината и Георгия Акрополита (см. введение, стр. 249 и сл. греч. пагинации). На это заблуждение указал (в рецензии на издание Синописиса, BZ, Bd. V, 1896, стр. 183—185, ср. SBAW phhC., 1899, Bd. II, S. 516 сл.) А. Гейзенберг, установивший, что от стр. 188.9 рассказ Синописиса представляет, напротив, переложение Акомината, а затем Акрополита, к тексту которого сделаны не лишние значення добавления. Ср. также рецензию А. Кирпичникова, ВВ, т. II, 1895, стр. 442 сл.

² Рассмотрение этого вопроса см. в указанной выше статье Патцига, BZ, Bd. V, S. 36f.

³ К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 377, 389.

⁴ Anonymi Compendium Historiarum, Bibliotheca Graeca Medii aevi, edidit C. Sathas, vol. VII, Parisiis, 1894, p. 154.14—17 и Manasses, verss. 5666—5674, p. 241; также Anonymi Compendium Historiarum, p. 146.10—147.5 и Manasses, verss. 5379—5403, p. 229—230.

⁵ Anonymi Compendium Historiarum, p. 153.17—157.15.

шей для него главным источником и в дальнейшем изложении,¹ а в качестве дополнения использовал стихотворения византийского поэта X в. Иоанна Геометра.²

Несмотря на отмеченные качества труда Константина Манассии, он пользовался значительным распространением и сам послужил источником для других хроник, большая часть которых не напечатана до настоящего времени. К одной не сохранившейся переработке хроники Манассии, выполненной, как можно полагать, неизвестным духовным лицом вскоре после появления этой последней, восходят так называемые народные хроники, т. е. исторические произведения на новогреческом языке, составленные частично уже в очень позднее время.³

На первом месте среди этих хроник следует поставить напечатанное Э. Муральто второе продолжение хроники Георгия Амартола, охватывающее: по Парижской редакции — период от 948 до 1081 г., по Венецианской — до 1071 г. и по Московской (б. Синодальной библиотеки) — до 1143 г. Последние две редакции не представляют для темы настоящей работы интереса по своей краткости, но и наиболее обширная — Парижская — также не имеет для истории 959—975 гг. значения самостоятельного исторического свидетельства. В самом деле, начиная с конца рассказа о царствовании Романа II, она представляет собой не что иное, как прозаический пересказ на разговорном языке соответствующей части стихотворного труда Манассии или, говоря точнее, его утраченной переработки. Это сходство простирается на все существенное содержание отрывка; составитель продолжения Амартола опускает лишь часть риторических украшений и вводит краткие хронологические справки перед началом каждого правления, а в одном случае просто включает в текст довольно большое извлечение из хроники Зонары.⁴

В полном виде текст указанной народной хроники сохранился в ряде незаданных рукописей, из которых Бернская подробно исследована Прехтером.⁵ Она делится на две части: первая являет собой краткое повествование о событиях от „сотворения мира“ до Диоклетиана, вторая содержит обзор римско-византийской истории от Диоклетиана до Никифора Вотаниата. Начало этой второй части (до правления Юстиниана) заимствовано из хроники Феофана, а дальнейший рассказ ведется по Манассии с привлечением отдельных сообщений из трудов Кедрина и Зонары. Время составления этой народной хроники относится, по всей вероятности, к XV в.; некоторые подробности позволяют предположить, что она была окончена уже после падения Византийской империи.⁶

¹ Hirsch. Укн. соч., стр. 408; ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXV, где тщательно отмечены многочисленные заимствования из Зонары.

² См. П. Сырку. Ук. соч., стр. 97 сл.

³ K. Praechter. Eine vulgärgriechische Paraphrase der Chronik des Manasses. BZ., Bd. IV, 1895, S. 273—274, 299—313; Его же. Zur vulgären Paraphrase des Manasses. BZ., Bd. VII, 1898, S. 588—593; В. М. Истрин. Хронографы в русской литературе, ВВ, т. V, 1898, стр. 146—152. H. Grégoire. Un continuateur de Manasses. Mélanges Schlumberger, II, Paris, 1924, p. 272 сл.

⁴ Georgii Monachi dicti Hamartoli Chronicon etc., edidit de Muralt, SPbg., 1859 (УЗ II отд. АН, кн. 6, 1861), p. 858 sqq. и Manasses, verss. 5666 sqq.; например, рассказ о царствовании Фоки (Hamartoli Continuatio, p. 860.26—864.18 = Manasses, verss. 5732—5870, p. 244—249); рассказ о царствовании Цимисхия (Hamartoli Continuatio, p. 865.9—866.18 = Manasses, verss. 5871—5914, p. 249—251); отрывок о воцарении Цимисхия заимствован у Зонары (Hamartoli Continuatio, p. 864.22—865.8 = Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 520.14—521.12.

⁵ K. Praechter. Eine vulgärgriechische Paraphrase., BZ., Bd. IV, 1895, S. 272—313.

⁶ Во всяком случае, в изданном Муральто продолжении Амартола приводятся турецкие географические названия (p. 888.9); автору неизвестны функции византий-

Что касается Парижской редакции продолжения Амартола, то она имеет ту особенность, что заменяет целые отрывки прямыми извлечениями из хроники Зонары, причем эти последние вставлены чисто механически и нередко повторяют уже содержащиеся выше известия.¹ Сравнительное изучение Парижской и Бернской редакций приводит к выводу, что обе они представляют собой близкие, но самостоятельные переработки утраченной парафразы Манассии: с одной стороны, Парижская редакция вообще ближе к изложению последнего, но с другой, — Бернская сохраняет иногда отдельные выражения, отсутствующие в напечатанном Муральтом тексте.² Наконец, так называемые эксерпты Плануды и поаднейшая хроника, обыкновенно приписываемая Дорофею Монеувасийскому, являются также пересказом, в первом случае — хроники Манассии или ее первой переработки, а во втором — скорее всего, которой-нибудь из упомянутых народных хроник.³

Кроме того, труд „премудрого Манассии летописца“ был широко использован русскими и южнославянскими книжниками при составлении хронографов. При этом в основу был положен, по всей вероятности, не греческий текст, а славянский перевод, сделанный в Болгарии в 30-х годах XIV в. и известный в нескольких списках, самый ранний из которых был выполнен в 1345 г. и хранится в настоящее время в Москве.⁴ Этот славянский перевод имеет особенный интерес, так как он дополнен сообщениями, которые представляют собою как бы краткий набросок истории Болгарии и болгаро-греческих отношений. Указанные дополнения состоят из 26 небольших заметок, помещенных на полях и внизу страниц.⁵ Хотя эти скудные сообщения и не могут заменить утраченных памятников болгарского летописания, остатками которого их обыкновенно считают,⁶ они все же привлекаются иногда в качестве источника для истории южных славян.⁷ Некоторые из этих глосс имеют отношение к Балканским походам Святослава; важнейшая из них гласит: „При сем Никифоре цари пленишу Руси блъгаръскую земя по дващ в двею лету. Цареви Никифору изведшу Святслава на них“.⁸ Этому известию придают значение при уточнении запутанной

ских должностных лиц (р. 890.31—891.3). Ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXVIII, прим. 6.

¹ *Hamartoli Continuatio*, р. 880.9—882.4 = *Zonaras*, ed. Bonn, v. III, р. 653.1—655.11 и 655.13—15; *Hamartoli Continuatio*, р. 882.6—884.6 = *Zonares*, ed. Bonn, v. III, р. 665.18—666.14 и 672.11—674.6.

² К. Praechter. Ук. соч., стр. 299—304.

³ C. de Boor. *Römische Kaisergeschichte in der Byzantinischen Fassung*, BZ, Bd. II, 1893, S. 202—203; К. Praechter. Ук. соч., стр. 294—295; К. Грумбагер. Ук. соч., стр. 322—323, 377, 400—401; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 148—149.

⁴ I. Bogdan. *Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobulgara*, Bucarest, 1922; о рукописях славянских переводов Манассии см. Й. Иванов, *Български старини из Македония*, изд. 2-е, София, 1931, стр. 618—620 и указанную там литературу.

⁵ Эти приписки издавались несколько раз по различным спискам: А. Д. Чертков. О переводе Манассиной летописи на словенский язык, РИСб, т. VI, кн. 1—2, 1843, стр. 39 сл. (по Московскому списку); П. Т. Гудев. Българския ръкопис в Ватикан, СбНУНК, т. VI, 1891, стр. 317—345 (по Ватиканскому списку XIV в.); Й. Иванов. Ук. соч., стр. 620—623 (по Хилендарскому списку XVI в.).

⁶ Например, в самое последнее время Н. С. Державин (*История Болгарии*, т. II, М., 1946, стр. 149) и мн. др.

⁷ Например, В. Н. Златарски. *История на Българската държава*, т. I, ч. 1, София, 1918, стр. 261, прим.; 408; т. I, ч. 2, 1927, стр. 589—590, прим.; 594, прим.; 714, 726, прим.

⁸ А. Д. Чертков. Ук. соч., стр. 114, № 20; П. Т. Гудев. Ук. соч., стр. 340; Й. Иванов. Ук. соч., стр. 622.24—26.

хронологии походов Святослава,¹ хотя и без достаточных оснований, ибо, во всяком случае, четыре приписки, относящиеся к этим событиям, заимствованы не из болгарских летописей, а из славянского перевода хроники Зонары в редакции, близкой к той, которая служит продолжением славянского же перевода хроники Логофета.² В этом убеждает, если говорить о первой приписке, кроме словесного сходства, также и то, что она ошибочно относит, следуя Зонаре (повторяющему, впрочем, известия Скилицы), смерть болгарского царя Петра ко времени Романа II.³ Вторая приписка, целиком приведенная выше, а также и третья и четвертая, тоже являются переложениями соответствующих мест Зонары.⁴ Поэтому неправильно утверждение А. Н. Попова, считавшего, что этих болгарских глосс „нет вообще у византийцев“.⁵ (Следует попутно отметить, что и остальные приписки представляют собой также заимствование из Зонары, и отражают не местную болгарскую, а византийскую хронографическую традицию⁶.) Само собой разумеется, что и славянский перевод Манассии, как и его оригинал с зависящими от него греческими хрониками, не является — по крайней мере, для правлений Романа II, Никифора и Иоанна Цимисхия, — сколько-нибудь существенным историческим источником.

К изложению Манассии и связанных с ним хроник, равно как и к произведению Зонары, очень близко повествование о тех же событиях в „Летописи“ Михаила Глики. Биография этого византийского писателя не вполне выяснена и до настоящего времени.⁷ Известно, однако, что он жил в XII в.; в 1158 г. был заточен за участие в каком-то политическом заговоре, и, несмотря на представленный императору Мануилу

¹ Например, А. Ф. Гильфердинг (История сербов и болгар. Собр. соч., т. I, СПб., 1868, стр. 144, текст и примечание.3); А. А. Шахматов (Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 121); В. Н. Златарский (Ук. соч., т. I, ч. 2, стр. 594, прим.) и мн. др. ученые.

² Об этом переводе см. В. Г. Васильевский. Хроника Логофета, ВВ, т. II, 1895, стр. 140 сл.

³ А. Д. Чертков. Ук. соч., стр. 112, № 19; П. Т. Гудев. Ук. соч., стр. 339; Й. Иванов. Ук. соч., стр. 622.20—22, ср. Симеона Метафраста Списание мира, стр. 146.27—32, а также Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 495.7—11; Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 346.21—347.4. О времени смерти царя Петра см. В. Н. Златарский. Ук. соч., т. I, ч. 2, стр. 589—592; также Й. Иванов. Ук. соч., стр. 383 сл.

⁴ А. Д. Чертков. Ук. соч., стр. 114—115, № 20—22; П. Т. Гудев. Ук. соч., стр. 340—341; Й. Иванов. Ук. соч., стр. 622.24—623.5; ср. Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 513.11 сл. и 535.10 сл.; также Симеон Логофет, стр. 149.26—29 и 154.16—25.

⁵ А. Н. Попов. Ук. соч., стр. 18, 59.

⁶ К таким выводам относительно всех приписок приходит М. Вейнгарт (M. Weingart. Byzantische Chronik in literatur kirchenslavische, т. I—II, Братислава, 1922—1923). Труд Вейнгарта известен мне лишь по рецензии в журнале „Україна“, 1928, № 6(31), стр. 155 сл.

⁷ Византисты XVI—XVIII вв. относили время жизни Глики к XV в.; затем была выдвинута гипотеза о тождестве хрониста с еретиком Михаилом Сикидитом, который был ослеплен при Мануиле Комнине за волшебство. Несмотря на то, что Крумбахер отвергает это отождествление, нельзя отрицать большого сходства в судьбе обоих: и тот, и другой были секретарями императора, оба были ослеплены и занялись после этого теологией (см. K. Krumbacher, Michael Glykas, SBAW, pphC, 1894, Bd. II, S. 443—446). О ереси Сикидита находим сведения у Акомината (Nicetae Schoniatae Historiae, ed. Bonn, p. 681.17—685.11) и в опубликованном Ф. И. Успенским отрывке из неизданного богословского сочинения Никиты (Очерки, стр. 238—243), причем многие близкие положения находим в письмах Глики (на это указывает О. Евстратиadis в предисловии к I тому изданных им писем). Объясняя рукописное надписание некоторых списков хроники σιχαλιωτης как искаженное σικιδιτης, можно скорее притти к заключению о тождестве обоих Михаилов; ср. E. Kurz, Anzeiger von Glyka's Briefe, BZ, Bd. XVII, 1908, S. 170—171.

Комнину сборник пословиц и стихотворные просьбы о помиловании, — наказан ослеплением.¹ После освобождения из тюрьмы Глика впал в бедность. Вероятно в 60-х годах XII в. он составил всемирную хронику или летопись, обращенную к своему сыну.² В старости занимался богословием и оставил ряд писем, адресованных к разным лицам, с подробным толкованием теологических проблем. Время смерти Глики неизвестно.

Летопись или Хроника Глики состоит из четырех частей. В первой он касается истории „сотворения мира“, но сухой библейский рассказ расширяется за счет обширных выписок из „Физиолога“, Элиана и других сочинений этого рода.³ Глика охотно сообщает сведения географического характера, приводит любопытные известия о различных животных, растениях и минералах. Вторая часть, начинающаяся „от Адама“, посвящена обычному рассказу о событиях ветхозаветной истории. Третья обнимает историю Римской империи от Цезаря до Константина и завершается списком императоров до Иоанна Комнина включительно. Последняя часть содержит собственно византийскую историю и заканчивается описанием царствования Алексея Комнина.

Всемирная хроника Глики во многом отличается от других подобных сочинений. Написанная разговорным языком, с большим количеством поговорок и пословиц,⁴ она была рассчитана на самые широкие круги читателей, учитывала их вкусы и имела большой успех. Кроме обширных отступлений в первой части, хроника Глики содержит множество упоминаний о всяких редких явлениях, а также включает большое количество цитат из библии и из произведений авторитетных церковных писателей. Наконец, Глика стремится везде, где только возможно, вывести нравоучение для читателей, а частые личные обращения к последним придают всему изложению своеобразный отпечаток задушевности.⁵ Вообще нельзя не согласиться с мнением Крумбахера, специально изучавшего жизнь и труды Глики, в том, что этот писатель принадлежал к числу редких в византийской литературе представителей народного направления и должен был обладать немалым мужеством, чтобы выступить против господствовавшего в его время мелочного подражания классическим образцам.⁶

Главным достоинством своего исторического повествования Глика считал краткость. Но именно в силу этого его хроника не представляет по большей части важного исторического документа и содержит много

¹ По довольно вероятному предположению — за участие в заговоре Стипиота, ср. С. Neumaier, Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen im XII Jh., Leipzig, 1888, S. 51, Anm. 2. Общие сведения о Глике см. в указанной в предыдущем примечании статье Крумбахера, также в рецензии В. Г. Васильевского на эту последнюю, ВВ, т. V, 1898, стр. 524—537; новейшую литературу указывает Moravcsik, Ук. соч., стр. 260—261.

² К. Krumbacher, SBAW, phhC, Bd. II, 1894, S. 406—420, но даты 1156 и 1151 гг. подлежат исправлению, см. В. Г. Васильевский, ВВ, т. V, стр. 531—532.

³ К. Krumbacher, SBAW phhC, Bd. II, 1894, S. 393; его же, Geschichte der by. antinischen Literatur, Auflage 2, S. 382; В. Г. Васильевский, Обзорение, стр. 105—106; его же, ВВ, т. V, стр. 525—526.

⁴ К. Krumbacher, SBAW, phhC, Bd. II, 1894, S. 393—394; П. Ернштедт. Заметка к тексту тюремных стихов М. Глики, ЖМНП, 1912, № 5, стр. 221, 230—232.

⁵ Например, Michaelis Glycae Annales, recognovit Imm. Bekkerus, Bonnae, 1836, p. 25.16—20, 29.21—31 и мн. др.

⁶ К. Krumbacher, SBAW, phhC, Bd. II, 1894, S. 443; его же, Geschichte, S. 381.

ошибок.¹ Для времени Романа II, Фоки и Цимисхия повествование Глики несколько подробнее рассказа Манассии, но общий характер изложения очень близок к манере стихотворца; оно отличается лишь некоторыми деталями, восходящими к Зонаре и Скилице.² Автор кратко сообщает о правлении Романа II, перечисляет походы Фокадов, рассказывает о происках Вринги и о воцарении Никифора, об отношении последнего к патриарху Полиевкту, о его войнах с арабами, упоминает о дороговизне, приводя заимствованный у Зонары или Скилицы анекдот о старике,³ говорит о взятии Антиохии и, наконец, о гибели императора. В последнем случае хронист, вопреки своему обыкновению, указывает точную дату этого события. Правление Цимисхия изложено еще более кратко: война с Русью рассказана буквально в трех строках и занимает столько же места, сколько и сообщение о появлении кометы,⁴ а затем следует известие о походах императора на Восток и его смерти. Повествование Глики не содержит каких-либо самостоятельных добавлений, разве только продолжительность царствований Никифора и Цимисхия высчитана самим автором.

Источники Глики перечислены им самим в нескольких местах его летописи. Для византийской истории в целом — это хроники Георгия Амартола, Кедрина, Скилицы, Зонары, иногда, как кажется, сочинения Манассии и Пселла.⁵ Говоря о событиях правления Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, Глика использовал в качестве своего главного источника труд Скилицы, хотя отдельные известия его у Глики опущены. Некоторые детали, встречающиеся только у Глики, — лишь результат недостаточного внимания хрониста к использованным им источникам. Это, естественно, лишает хронику Глики всякой ценности при изучении русско-византийской войны 968—971 гг. и всех связанных с нею событий.

Для полноты обзора следует упомянуть еще хронику Иоанна, составленную в середине XIII в. и доведенную до завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. В части, совпадающей с рассказом Льва Диакона, она является только скудной выдержкой из Скилицы: весь рассказ о событиях 959—975 гг. уместен на полтора страницах, а о русско-болгарских делах не содержится вовсе никакого упоминания;⁶ да и вообще, в тех случаях, когда Иоанн вносит свои дополнения, они ошибочны и представляют собой результат неправильной комбинации известий того же Скилицы.⁷

¹ Glycas, p. 3.4—4.3; ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXIV.

² Glycas, p. 563.21—575.19; ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 397—403.

³ Glycas, p. 570.12—571.7; ср. Zonaras, ed. Bonn., v. III, p. 515.10—18 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 374.9—13.

⁴ Glycas, p. 574.9—12, ср. p. 574.14—17.

⁵ К. Krumbacher. Geschichte, S. 383. Долгое время считали, напротив, что Глика был источником Манассии (Hirsch. Ук. соч., p. 406—407; Н. Скабаланович, там же, стр. XXV, прим. 4; К. Крумбахер, SBAW, phhC, 1894, Bd. II, S. 420) и, хотя уже в 1887 г. В. Г. Васильевский указывал, что сходство между ними является скорее следствием „пользования Манассиею со стороны Глики“ (Обзорные труды по византийской истории, ЖМНП, 1887, № 9, стр. 143), это было доказано на Западе лишь несколько лет спустя (E. Patzig. Johannes Antiochenus und Johannes Malala, Leipzig, 1892, S. 5) и принято Крумбахером и другими учеными. Непонятно, почему М. А. Шапгин (судя, впрочем, только по схеме, см. ИЖ, 1941, № 9, стр. 121) повторяет прежние мнения.

⁶ Joëlis Chronographia, recognovit Im. Bekkerus, Bonnæ, 1836, p. 58.12—59.20; ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXV—XXVI; К. Крумбахер. Geschichte, стр. 385; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 200.

⁷ Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXV, прим. 3.

Наконец, сравнительно подробный рассказ о русской войне находим в стихотворной хронике Ефрема. Автор ее ближе неизвестен; скорее всего, он был монахом. Судя по приложенному к хронике списку патриархов, доведенному до Исаии (избран в октябре 1323 г., умер в 1334 г.), Ефрем писал в начале второй четверти XIV в.¹ Труд его обнимает в 9564-х ямбических триметрах период от Калигулы до торжественного въезда Михаила Палеолога в отвоеванную у латинян столицу. Начало хроники утрачено; о римских императорах сведения Ефрема обычно очень кратки, но, начиная с Константина, попадают более обширные статьи.

Периоду Романа II, Фоки и Цимисхия Ефрем посвящает около 130 стихов.² О Романе сообщается только то, что относится к его семейным обстоятельствам, и дается общая характеристика личности императора. О Никифоре рассказ Ефрема более подробен: хронист сообщает о его победах на Востоке (хотя внимание Ефрема привлекают главным образом привезенные в столицу ворота Мопсуэстии и захваченное изображение Христа) и особенно подробно останавливается на антицерковных мероприятиях Фоки, упоминая с возмущением, в частности, о попытке императора добиться канонизации воинов, павших на войне с арабами. После сообщения о гибели Фоки Ефрем описывает воцарение Цимисхия, останавливается на его личных качествах, сообщает о столкновении его с патриархом и затем переходит к описанию Русской войны. Однако здесь Ефрем не приводит ничего существенного, подробно повествуя лишь о „чудесном“ вмешательстве св. Феодора и связанных с этим фантастических деталей.³ Весь рассказ завершается упоминанием восточных походов и смерти императора.

Источником как всей первой половины хроники Ефрема, так и отмеченной части является по преимуществу труд Зонары, откуда заимствован весь конкретный материал повествования. Вероятным представляется также использование стихотворной хроники Манассии, но некоторые могущие показаться оригинальными места в изложении Ефрема сравнительно с Зонарой объясняются невнимательностью стихотворца и лишены какой-либо исторической ценности.⁴

Таким образом, произведения византийской хронографии XII—XIV вв., за исключением одного Зонары, не имеют значения самостоятельных источников как для всего периода 959—975 гг., так, и в особенности, для событий, связанных с Балканскими войнами Святослава, и являются лишь свидетельством длительного сохранения в Византии интереса к героическим походам отважного русского князя. Поэтому использование всех их на равных основаниях, как это имеет место, например, в трудах Г. Шлюмберже, создает лишь обманчивую видимость богатства и обилия привлеченных источников, но ничего не добавляет по существу.⁵ В действительности только „История“ Льва Диякона, хроника Иоанна

¹ Hirsch. Ук. соч., стр. 391—392; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 390, но приводимые обоими даты избрания и смерти патриарха Исаии следует исправить (см. Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 651).

² Ephraemius e recognitione Im. Bekkeri, Bonnae, 1840, verss. 2742—2872, p. 120—125.

³ Ephraemius, verss. 2845—2866, p. 124—125.

⁴ Hirsch. Ук. соч., стр. 392—396; Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXVII, текст и прим. К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 392.

⁵ G. Schlumberger. Un empereur byzantin au X siècle, Nicéphore Phocas, Paris, 1890, p. 99, 227, 259, 280, 362, 701, 707, 746 и др.; его же. L'épopée Byzantine a la fin du X siècle, I Partie, Paris, 1896, p. 18, n. 20, и мн. др.

Скилицы (доступная лишь в составе Синописа Кедрина или в неточном латинском переводе) и всемирная хроника Иоанна Зонары исчерпывают собой круг греческих нарративных памятников, необходимых для изучения русско-византийской войны 968—971 гг. Наибольшее значение среди них должно принадлежать Скилице, использовавшему, хотя и довольно беспомощно, оба первоначальных источника, и Льву Дякону, который дополняет известия, почерпнутые у одного из них, документальными материалами. Что касается хроники Зонары, то она, несмотря на сравнительно большое количество сведений, важна лишь постольку, поскольку содержит известия, почерпнутые, как можно полагать, из одного источника со Скилицей, но отсутствующие у этого последнего.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник
 ВИ — Вопросы истории
 ВУИ — Варшавские Университетские Известия
 ГСКА — Глас Српске Краљевске Академије
 ГСУ юф — Годшиник на Софийския Университет, юридичен факултет
 ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
 ЗАН — Записки Императорской Российской Академии Наук по историко-филологическому отделению
 ЗНУ — Записки Новороссийского Университета
 ИАН ОГН — Известия Академии Наук СССР, отделение гуманитарных наук
 ИЖ — Исторический Журнал
 ИМ — Историк-марксист
 ИОРЯС — Известия Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Российской Академии Наук
 ИРАИК — Известия Русского Археологического Института в Константинополе
 КУИ — Известия Университета св. Владимира (Киев)
 МП — Македонский преглед
 ПСРЛ — Полное Собрание Русских Летописей
 РИСб — Русский Исторический Сборник
 СБАН — Списание на Българската Академия на Науките, клон историко-филологичен и философско-обществен
 СбНУНК — Сборник за Народно Умотворение, Наука и Книжника.
 СлСб — Славянский Сборник
 УЗ II отд. АН — Ученые Записки Второго Отделения Императорской Российской Академии Наук
 УЗ ЛГУ сиз — Ученые Записки Ленинградского Государственного Университета, серия исторических наук
 АРАВ phhK — Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse
 АSPh — Archiv für Slavische Philologie
 ВВ GSW — Blätter für Bayrische Gymnasialschulwesen
 Byz — Byzantion.
 ВZ — Byzantinische Zeitschrift
 СРJ — Commentationes Philolog. Jenenses
 МIОG — Mitteilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung
 SBAW phhC — Sitzungsberichte des Philosophisch-philologischen und historischen Classe der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 ЕЕВΣ — Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν